

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947 (571.1)

А. В. СУШКООмский государственный
технический университет

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ОФИЦЕРОВ КАК ИСТОЧНИК РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В БЕЛОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается идеология колчаковского режима — русский национализм. Национализм колчаковцев возник как реакция на интернационализм большевиков и национализм бывших инородцев Российской империи. Автор приходит к выводу, что он был обусловлен военно-профессиональным сознанием русского офицерства, составлявшего социальную базу режима, ударную силу его армии на полях Гражданской войны и стремившегося восстановить привычную для себя систему ценностей.

Ключевые слова: белая Сибирь, колчаковский режим, идеология, национализм, военно-профессиональное сознание офицеров.

Этнополитическое измерение революции в России сегодня чрезвычайно актуально и требует всестороннего изучения. Решение этой задачи невозможно без изучения роли русского, или, как его еще называли в то время, «великорусского» национализма в революции и Гражданской войне.

Традиционно идейно-политические основы колчаковского режима связывались историками с деятельностью партии Народной Свободы — кадетов. По мнению советских историков, колчаковщина была изначально обречена на поражение из-за банкротства идейного багажа, который предлагали ее

буржуазные идеологи — кадеты [1, 2]. В постсоветской историографии колчаковский политический режим продолжает рассматриваться в русле кадетской, либеральной, буржуазной альтернативы. «Под давлением правых в сентябре произошел развал мелкобуржуазного блока. На сторону кадетов перешли кооператоры, националисты, гораздо ранее это сделала часть областников во главе с Г. Н. Потаниным. Вокруг них объединилась мелкобуржуазная и буржуазная интеллигенция, составляющая большинство Временного Сибирского правительства Всероссийского Совета министров. В конечном сче-

те она обеспечила переход от «демократической» контрреволюции к военной диктатуре А. В. Колчака» — считает известный сибирский историк М. В. Шиловский [3, с. 297]. На наш взгляд, наиболее точно передал суть колчаковского режима исследователь В. Ж. Цветков, следующим образом описавший сущность «омского переворота»: «Он утвердил модель военно-политического управления, ориентированное на скорое и победоносное, как представлялось ее создателям, окончание Гражданской войны. В этом проявилось также окончательное выделение Белого движения из антибольшевистского фронта» [4, с. 21–22].

Современными исследователями до сих пор недостаточно учитывается то, что до прихода к власти адмирала А. В. Колчака «русский вопрос» в государственной идеологии белой Сибири практически не отражался, в печати, за редкими исключениями, не ставился. Режим А. В. Колчака — это попытка создать всероссийскую, надклассовую власть с соответствующим идейным обеспечением — идеологией русского национализма. Кадровые офицеры играли в этот период сибирской истории особую роль, не только ратным энтузиазмом обеспечивая успехи на полях сражений с большевиками, но и активно участвуя в управлении государством. Г. К. Гинс — управляющий делами Совета министров колчаковского правительства, очень образно описал тот период сибирской истории: «Для характеристики этого периода не найти фотографий, изображающих деятелей гражданской власти, съезды крестьян, народные собрания. Есть только портреты генералов, снимки парадов, смотров, военных банкетов и картин разрушений. Это был военный период. Он весь окрашен милитаризмом» [5, с. 618].

Цель данной работы — исследовать роль военно-профессионального сознания русского офицерства в создании политической системы белой Сибири в период диктатуры адмирала А. В. Колчака, строившейся на основах государственной идеологии русского национализма.

В ходе переворота 18 ноября 1918 г., совершенного военными в Омске, к диктаторской власти был приведен выходец из «своей», военной среды. Уже исходя из этого в формирующейся государственной идеологии не могли не присутствовать специфические черты, принесенные именно военно-профессиональным сознанием. Адмирал А. В. Колчак в беседе с представителями прессы 28 ноября 1918 г. заявил: «Если интеллигенция является мозгом страны, то армия является источником ее силы и крепости». Газета «Русская армия» в статье «Милитаризм — основа возрождения нации» отразила националистический взгляд офицерства: «Сильная армия — та почва, на которой вырастает и воспитывается национальное самосознание, национальное самолюбие» [6].

Сразу после переворота возникла «печать военных кругов», своей важнейшей задачей считавшая «удовлетворение интересов и запросов офицеров и солдат» [7, с. 42]. Эта печать являлась неотъемлемым элементом политической системы, и сам факт возникновения феномена военной периодики свидетельствовал о влиянии армии в ней. Т. В. Кребс относит пропаганду национализма как единой идеологии всего антибольшевистского движения к одному из способов ведения информационной войны правительством Колчака [8, с. 82–83]. Русский национализм был не просто формой информационной борьбы, а являлся основой военно-профессионального сознания военных, определявшей основные

направления внутренней и внешней политики колчаковского режима.

Триединая формула «За Веру, Царя и Отечество» определяла все воспитание будущих офицеров и служила в дальнейшем «символом веры» офицера на протяжении всей его жизни [9, с. 321]. В результате революционных катаклизмов 1917 г. обесценились главные ценности русского офицера, ради которых он проливал кровь на фронтах Русско-Японской и Первой мировой войн. Вера была поругана, Царь свергнут, Отечество распалось на части и в привычном виде перестало существовать. Газета «Русская армия» так описывала ситуацию: «С падением самодержавия все то, что было положено в основу существования армии, составляло сущность ее воспитания и дисциплины, рухнуло. У армии не стало фундамента, на котором она держалась, моральная сила ее была потеряна. Понятие об Отечестве не существовало, оно олицетворялось в царе; родина — это только своя губерния» [10]. В таких условиях тяга кадрового офицерства, оказавшегося у власти в Омске, к воссозданию поруганных национальных ценностей, которым он привык служить, была вполне понятна.

Военный человек в силу своих профессиональных установок, как правило, подсознательно, главным условием победы в войне считает успешное вооруженное противоборство. Адмирал А. В. Колчак прямо провозгласил: «Вопрос должен быть решен только одним способом — оружием и истреблением большевиков». Мысль эта была понятна и близка большинству русских офицеров, находившихся в белой Сибири. В то же время военные люди, придя к власти, подменили цели средством. На первый план военные ставили средство — победу в вооруженной борьбе, а не провозглашали политические цели — решения вопросов революции (земельного, национального и т. п.), которое они откладывали до полной победы над большевиками. Историки уже определили «непредрешенчество» как одну из причин победы красных в Гражданской войне [3, с. 423].

И. И. Сукин — Управляющий министерством иностранных дел в правительстве Колчака, в своих воспоминаниях объяснял «непредрешенчество» личными качествами адмирала: «У Колчака отсутствовала точная концепция того, чего он хочет достигнуть, на каких основах желал бы он построить Россию, какими приемами психологического воздействия и деловой организации намерен он выполнить свою задачу. Тщательно продуманного плана у Колчака не было. Его политическое мировоззрение сводилось к весьма немногим, но зато резко очерченным убеждениям, в которые до конца он свято верил. Он верил, что Россию нельзя освободить иначе, как сломив большевизм силой оружия. Он верил в необходимость созыва Учредительного собрания, которому он передаст свои полномочия. Он верил, что задача освобождения может и должна быть осуществлена самими русскими. Он верил в единство России и отстаивал его с упорством и сознанием своей правоты» [11, с. 451]. Таким образом, «непредрешенчество» было обусловлено спецификой военно-профессионального сознания людей, оказавшихся у власти, далеких от теоретических тонкостей большой политики.

Поступки А. В. Колчака на посту Верховного правителя указывают: Колчак до мозга и костей был русским националистом. С позиции классовой борьбы и военной целесообразности необъясним широко известный факт — отказ адмирала признать

независимость Финляндии в обмен на то, что финны направят войска на большевистский Петроград. Это возможно объяснить только с позиции национального измерения Гражданской войны — русской националистической идеологии колчаковского режима. Она оформилась под мощнейшим идейным влиянием русского офицерства, воевавшего в армии А. В. Колчака.

В силу профессиональных ценностей национально-государственные идеалы были ближе для военных, чем социально-классовые. Национализмом буквально пронизаны последние обращения власти. В листовке «Стой, красноармеец! Приди в себя!» говорилось: «Одумайся, красноармеец! Сними с безумной отуманенной головы красноармейскую крышку и перекрести лоб! ТЫ — РУССКИЙ — ИДИ К НАМ, РУССКИМ!» [12]. В одном из обращений адмирала А. В. Колчак призывал: «Русский народ! Дело твоего освобождения в твоих руках!» [13]. В более позднем обращении Колчак писал: «Банды красных разрушителей творят руками русских, обманутых людей, дела интернационально-международной шайки, отбросив все национальные стремления, хотят уничтожить нашу Родину как государство. Советское правительство состоит из международных отбросов, в большей своей части не русских, прикрывающихся именем рабоче-крестьянской власти, в грозные часы угрожающие гибели всему русскому делу» [14]. Если большевики вели борьбу в социально-классовом интернациональном измерении, то офицерство и пришедшая с ним к власти немногочисленная националистически настроенная часть русской интеллигенции принесли в идеологию антибольшевистских сил русский национализм, ставший идеологией белого движения.

Необходимо отметить, что после прихода к власти адмирала А. В. Колчака национализм стал определяющей идеей проправительственной периодики. Это отразилось даже в названиях создававшихся газет и журналов, проповедовавших русский национализм: «Русская армия», «Русь», «Русское дело», «Русский голос», «Русская речь», «Родина», «Единая Россия», «За Русь Святую» и др. Эти названия красноречиво говорят за себя сами. Национализм для редакций этих газет был не просто способом ведения информационной борьбы, он обусловил их рождение и пронизывал все их публикации. Редакция журнала «Единая Россия» просила присылать для публикации материал, «проникнутый здоровой русской национальной государственной идеей» [15].

Идеология белого движения в Сибири складывалась в ходе острой идейной борьбы как с большевиками, так и внутри антибольшевистских сил. Мы считаем, что национализм, сложившийся здесь, носил религиозный характер [16]. Издававшийся в Омске Управлением Главного Священника Армии и Флота журнал «За Русь Святую» в редакционной статье, доводя свои идейные основы до читателей, указывал в качестве цели журнала «быть проводником идей национальных и патриотических на религиозной платформе» [17]. Русский национализм колчаковского режима, основанный на православной вере, продолжал имперские традиции и не был узко этническим. Он подходил человеку любой национальности, принимавшему культуру, которую несла Русская православная церковь.

При А. В. Колчаке периодика белой Сибири не стеснялась пропагандировать русский национализм. «Нация — справедливое объединение всех отдельных частей племени, групп, классов. С идеей

нации одновременно связано чувство Родины, любовь к Отечеству, то, что называется патриотизмом. Патриотизм, таким образом, есть только наглядное, конкретное и активное выражение национальной идеи» [18]. Н. И. Наумова считает колчаковцев, в первую очередь, государственниками, «государство и государственность выступали для белогвардейцев и как самостоятельная ценность, и как инструмент решения важных общественных проблем» [19, с. 42]. На первое место колчаковская пропаганда ставила русскую нацию — русский народ. Государство являлось формой национального бытия народа. В этой связи лозунг «Единая и неделимая» глубоко националистичен. Именно в националистической составляющей идеологии заключается специфика белого движения. Большевики были в не меньшей степени государственниками и патриотами, чем их противники. Но они были интернационалистами, безразлично и порой даже враждебно относившимися к русскому народу и русской культуре, поднятыми на знамена колчаковскими властями в Сибири.

Сращивание кадетизма в Сибири с военно-профессиональным сознанием русского офицерства произошло из-за ожесточения военного противостояния в Гражданской войне. В тех условиях лидерами сибирских кадетов стали наиболее правые омские кадеты, не пользовавшиеся до этого времени авторитетом среди кадетских организаций региона. Типичным представителем, одним из их лидеров был редактор «Сибирской речи» В. К. Жардецкий, о котором Г. К. Гинс напишет: «Интересный, способный и умный, но фанатичный человек, с искалеченными нервами, крайней неуравновешенностью и несдержанностью. Жардецкий был фанатиком диктатуры и великой России. Его главным недостатком была отвлеченность мышления, мешавшая ему быть реальным политиком» [5, с. 234]. Такие люди не носили погон, но их сознание было идентично военно-профессиональному сознанию белого офицерства. Подводя итоги партийной конференции, их кредо в печати летом 1919 г. выразил Н. В. Устрялов: «Связь партии с правящей властью в основных устремлениях творческой работы. Она не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их реального осуществления» [20].

Сибирские кадеты не привнесли в государственность белой Сибири гражданских элементов. Это привело к ситуации, описанной исследователем В. Д. Зиминой: «Белая власть, армейская по своему происхождению, так и не смогла вырваться из материнского лона и превратиться в государственную власть, соединяющую военное и гражданское начала, что находило отражение в самом ее идеологическом обосновании с элементами как диктаторского, так и демократического содержания» [21, с. 210]. Кадеты — политическая партия, члены которой приняли участие в организации переворота, поддерживавшая военную диктатуру адмирала А. В. Колчака. Партия Народной Свободы на территории Сибири безусловно приняла тактику борьбы с большевиками, исходившую от военных. Как политическая партия кадеты должны были сформулировать и предложить населению программу власти, содержащую приемлемый для населения вариант решения земельного вопроса, форму будущего государственного устройства страны, государственную политику в отношении этнических меньшинств, устраивающую их политические элиты. Вместо этого они попали под влияние военных. Н. И. Каницева пытается объяснить это тем, что «либерализм как явление

теоретической и политической мысли оказывается малоэффективным в экстремальных условиях. Это выражается в утрате им самостоятельной политической роли, в стремлении опереться на более сильного союзника, через посредство которого он пытается осуществить свои планы» [22, с. 353].

Думается, причина не в слабости либеральной идеологии, а в том, что кадеты переродились из либералов в национал-либералов. Еще на партийной конференции, проходившей в Омске 20–24 августа 1918 г., В. К. Жардецкий заявил о партии Народной Свободы: «Да, волею судеб, мы теперь, прежде всего, партия Национальной Свободы, той свободы, носителями которой являются не отдельные граждане народа и не вся совокупность его населения в его быте, но само государство, нация во внешней жизни своей» [23]. Он выступил за окончательный отход партии от основного принципа либерализма — принципа автономии личности, на котором зиждется безусловное признание приоритета прав личности — гражданина, перед коллективными правами общества, нации, государства. Основным мотивом деятельности кадетских организаций Сибири стал русский национализм. Как политическая идеология, национализм не требует глубоких идейно-теоретических построений по социальным вопросам. Именно поэтому белым так и не удалось сформулировать полноценных ответов на главные вопросы революции.

В годы революции и Гражданской войны, когда большинство населения увлеклось социально-классовой борьбой, кадровое офицерство воспитывавшееся на традициях русской культуры, являлось основным источником русского национализма. Военно-профессиональное сознание русского офицерства обусловило идейную основу военной диктатуры в Омске. Идеологическое обеспечение колчаковского политического режима предлагали не его буржуазные идеологи — кадеты, как продолжают считать многие историки, а националистически настроенное русское офицерство при участии кадетов, используя для этого периодическую печать.

В Омске, столице белой Сибири, сложился своеобразный «военный русский национализм», не имевший ничего общего с классической кадетской либеральной моделью общественно-политического переустройства России. Националистическая колчаковская идеология была рассчитана на людей, для которых национальное чувство «русскости», чувство принадлежности к великой русской культуре в дни революции и Гражданской войны не обесценились. В первую очередь это были кадровые офицеры, воспитанные на триединой формуле «За Веру, Царя и Отечество!». Как пишет современный исследователь проблемы «русская идея и армия» В. И. Гиридинский: «Российское воинство всегда было оплотом укрепления и развития государства и в этом специфическим субъектом русской идеи» [24, с. 246]. Кадровые офицеры в революции в первую очередь остро восприняли «национальный вопрос» и полагали, что «под видом равенства всех народов России создавалось неравенство русского народа, который должен был всем и всегда уступать» [25].

Русский национализм был основой сознания военных, определявшей основные направления внутренней и внешней политики колчаковской власти, стремившейся любой ценой сохранить национальное достоинство России и ее территориальную целостность. Военно-профессиональное сознание

офицеров, составлявших социальную базу белого движения, ударную силу его армии на полях Гражданской войны, привело к тому, что его идеология в ходе Гражданской войны на первый план ставила средство — победу в вооруженной борьбе, а не провозглашала цели — решения вопросов революции, которое они откладывали до полной победы над большевиками.

Библиографический список

1. Думова, Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром / Н. Г. Думова. — М.: Наука, 1983. — 414 с.
2. Иоффе, Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. — М.: Мысль, 1983. — 294 с.
3. Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. — 428 с.
4. Цветков, В. Ж. Белое дело в России. 1919. (формирование и эволюция политических структур белого движения в России) / В. Ж. Цветков. — М.: Посев, 2009. — 635 с.
5. Гинс, Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 / Г. К. Гинс. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 672 с.
6. Русская армия (Омск). — 1919. — 1 мая.
7. Никитин, А. Н. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны в Сибири / А. Н. Никитин. — Омск: Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. — 204 с.
8. Кребс, Т. В. К истории информационных войн в Сибири (1918–1919 годы) / Т. В. Кребс // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: сб. тез. и докл. III Всерос. науч. конф. «Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне» (Омск, 5–6 мая 2005 г.) / гл. ред. Н. А. Томилов, отв. ред. М. А. Жигунова, В. Л. Кожевин. — Омск: Наука, 2005. С. 82–84.
9. Волков, С. В. Русский офицерский корпус / С. В. Волков. — М.: Центрполиграф, 2003. — 414 с.
10. Русская армия (Омск). — 1919. — 25 февраля.
11. Сукин, И. И. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака / И. И. Сукин // За спиной Колчака: Документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. — М.: Аграф, 2005. — С. 325–510.
12. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
13. Алтай (Барнаул). — 1919. — 9 сентября.
14. Родина (Томск). — 1919. — 27 ноября.
15. Единая Россия (Омск). — 1919. — № 2. — С. 1.
16. Сушко, А. В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны / А. В. Сушко // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. — 2012 — № 5(112). — С. 7–10.
17. Единая Россия (Омск). — 1919. — № 4. — С. 15.
18. Военные ведомости. (Новониколаевск). — 1918. — 20 декабря.
19. Наумова, Н. И. Государство и государственность в идеологии белого движения / Н. И. Наумова // История и современность: материалы заседаний Томского дискуссионного гуманитарного клуба. 28 января 2001 г.: Феномен власти в русском национальном характере: сб. ст. — Томск, 2002. — С. 42–44.
20. Сибирская речь (Омск). — 1919. — 28(15) мая.
21. Зиминова, В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. / В. Д. Зиминова — М., Рос. гуманитар. ун-т, 2006. — с. 467 с.
22. Канищева, Н. И. Эволюция идеологии и программы кадетской партии в период Гражданской войны и эмиграции / Н. И. Канищева. // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. — С. 339–355.

23. Наша мысль (Томск). — 1918. — 2 сентября.
24. Гириринский, В. И. Русская идея и армия (философско-исторический анализ) / В. И. Гириринский. — М. : Военный университет, 1997. — 326 с.
25. Русская армия (Омск). — 1919. — 20 мая.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: Alexsushko@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2013 г.
© А. В. Сушко

УДК 9(571.1)«1960/2010»

Л. В. АЗАРОВА

Омский государственный педагогический университет

КОМПЛЕКСНЫЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД С 60-Х ГОДОВ ХХ И ДО НАЧАЛА ХХІ СТОЛЕТИЙ

Статья посвящена истории комплексных исследований по изучению территории юга Западной Сибири на разных иерархических уровнях региона и находится на стыке отечественной истории и социально-экономической географии. Выявлены основные направления и особенности исследований специалистами. Анализ исследований дан на пример Омского региона.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Омская область, регион, комплексные историко-географические исследования, природный и хозяйственный комплексы.

Интерес к территории юга Западной Сибири, в том числе к Омскому региону, на протяжении рассматриваемого периода был у многих специалистов. Опубликовано значительное количество работ: научно-популярные издания, учебные пособия, монографии, научные статьи, выполненные учеными разных специальностей, историками, географами, экономистами, членами Омского отделения РГО и др. специалистами. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода большинство исследований проводилось на уровне Омского региона (Омской области). Работы по изучению развития территории на уровне микрорегионов, муниципальных районов (по отношению к Омской области) проводились только в последнее двадцатилетие. Чаще всего исследования специалистами были либо отраслевые, либо узкоспециализированные, выполненные специалистами конкретной специальности. Комплексные исследования практически отсутствовали до второй половины ХХ столетия.

Первые исследования, проведенные по комплексному изучению Омской области, относятся к началу 60-х годов ХХ столетия. Коллектив авторов исторического и естественно-географического факультетов Омского государственного педагогического института создали труд, который раскрывал все аспекты развития природного и хозяйственного комплексов территории Омской области (Омск, 1963) [1]. Работа была выполнена под руководством Марии Климентьевны Юрасовой, исто-

рика по образованию, в тот период она — редактор Омского книжного издательства, член Союза писателей СССР (с 1961 г.). Предисловие к изданию было написано кандидатом исторических наук Михаилом Ефимовичем Будариним. Он стал первым из омичей, кому была присуждена ученая степень доктора исторических наук (1971). Впервые в предисловии раскрываются периоды освоения Омского Прииртышья, развития функциональной значимости основных населенных пунктов, оцениваются природные ресурсы и условия территории и определяется возможность их использования через характеристику отдельных отраслей хозяйства. Данное издание было одним из первых комплексных историко-географических исследований, которое охватывало все компоненты природы и хозяйства региона. И хотя М. Е. Бударин оценивает данное издание как сборник коллективного труда разных специалистов, но оно дает первое целостное представление об истории и географии региона. Автор предисловия считает, что это «первый научно-популярный труд такого характера об Омской области» [1, с. 12]. Но данное издание выполняло первоначально свою функцию как учебное издание.

К концу 60-х годов создается учебное пособие для учащихся, которое было написано Г. А. Третьяк и Г. С. Улицкой, преподавателями естественно-географического факультета, кафедры географии ОмГПИ [2]. В этом издании нет специального раздела, посвященного истории Омского региона, но на

протяжении всех параграфов разделов «Население» и «Хозяйство» отражается исторический аспект. Авторы исследуют и отражают результаты, выявляют, как складывалась система поселений и элементов хозяйства (отраслей) от периода возникновения до рассматриваемого периода, конца 60-х годов.

В последующих учебных изданиях, вышедших под ред. А. Ф. Куракина (1991) и А. А. Кожухаря, А. Г. Зинченко (2001), авторами пособий представлены результаты исследований по исторической географии. Они были отражены в параграфах — «Заселение территории» и «Формирование и общая характеристика хозяйства» (1991); «История заселения территории области, рост численности ее населения», «Формирование и общая характеристика хозяйства» (2001) [3, 4]. Общим для всех предыдущих изданий является наличие исторического аспекта в формировании хозяйства.

В конце 2008 г. экспертным советом Министерства образования Омской области одобрено издание учебника «География Омской области. Природа. Население. Хозяйство», который был создан при поддержке ОО РГО и БОДПО «Институт развития образования Омской области», а подготовлено преподавателями географического факультета Омского государственного педагогического университета и сотрудниками Территориального фонда информации по Омской области при САО. Отличительной чертой учебника можно считать: соответствие содержания требованиям нового государственного образовательного стандарта по географии, представление географического образа территории с помощью иллюстративного материала (фотографий, статистических графиков и таблиц) [5]. Учебник был подготовлен в рамках целевой программы «Развитие системы образования Омской области до 2010 года» по заказу и при содействии Министерства образования Омской области, БОУДПО «Институт развития и образования Омской области», Омского отделения РГО. Данное издание получило медаль и свидетельство «Знак качества» (постановление № 3 от 7 декабря 2010 г., регистрационный № 10310L336) на Международной выставке в номинации «Лучшее — детям» (Москва, 2010) и серебряную медаль и диплом на УЧСИБ-2011 на «ГТЕ Сибирская ярмарка» (Новосибирск, 2011). Отличительной чертой от учебных изданий предыдущего периода стало включение параграфа «Этапы освоения территории нашей области». Это решение было принято единогласно на заседании редакционной коллегии Омского отделения Русского географического общества (протокол № 3 от 16 октября 2008 г.). Впервые в учебном издании отражено освоение территории поэтапно. Основными критериями выделения этапов послужили процессы, сыгравшие решающую роль в формировании территориально-отраслевой структуры хозяйства. К ним автор параграфа и автор данной статьи относит: процесс заселения территории и формирования населенных мест; освоение природно-ресурсного потенциала территории; установление экономических отношений между соседними регионами; создание транспортной и производственной инфраструктуры; создание определенных видов хозяйственной деятельности населения и постепенное развитие предприятий, отраслей, отраслевых и межотраслевых комплексов хозяйства региона. На основании этого выделены этапы освоения территории Омского Прииртышья: от древнейших времен до конца XIX века; от строительства Транссибирской железнодорожной маги-

страли до Октябрьской революции (1894 — 1917); от Октябрьской революции до Второй мировой войны (1917 — 1941); период Великой Отечественной войны (1941 — 1945); от военной поры до перестроечного периода (1945 — 1991) [5, с. 154 — 165]. Современный этап развития, его особенности и тенденции в развитии отраслей хозяйственного комплекса отражены в последующих параграфах [5, с. 165 — 225]. Недостаток, несмотря на преимущества издания от предыдущих учебников, — незначительный тираж, всего 3 000 экз. (ранее изданные учебные пособия имели тираж: в 2002 году — 11000 экз.; в 1991-м — 9000 экз.; в 1969 г. — 40 000 экз.).

В рамках Омского отделения Русского географического общества (ОО РГО) в конце XX столетия и начале текущего осуществляется реализация ряда проектов по комплексным краеведческим исследованиям различных территорий и изданиям множества учебных, научно-популярных, научных изданий и др. Правда, тираж многих из них небольшой из-за незначительных финансовых поддержек издательств. Часть изданий выпущена была на средства спонсоров (ЧП, ИП) или выпускников гуманитарного факультета ОмГАУ.

В середине 90-х годов прошлого столетия и в начале текущего столетия начал разрабатываться и осуществлялся проект по изданию *научно-популярного* издания — книги об Омском Прииртышье — «Земля, на которой мы живем. Природа и Природопользование Омского Прииртышья» [6]. Реализация этого проекта осуществлялась по инициативе ОО РГО, при поддержке администрации области и комитета по природным ресурсам. Была привлечена большая группа авторов — свыше 150 человек, в том числе известные омские ученые различных отраслей знаний, журналисты, краеведы. Это поистине уникальное издание, которое Ученым советом Русского географического общества (РГО) в 2003 году в Санкт-Петербурге в составе 53 профессоров, докторов наук был высоко оценен труд омских географов. Этому изданию присуждено первое место и диплом РГО. Было отмечено, что это единственная за Уралом книга подобного рода, большая редкость в наше время. И хотя это издание выходит за рамки историко-географического исследования, в нем представлен значительный материал именно в этих аспектах.

По инициативе кафедры регионального развития (ныне кафедры истории и социально-педагогических дисциплин) гуманитарного факультета Омского государственного аграрного университета (ОмГАУ) и под руководством профессора, доктора исторических наук Сергея Валентиновича Новикова и при поддержке Омского отделения Русского географического общества, ОмГАУ за период 2003 — 2012 гг. изданы коллективные *монографии*. Это комплексные издания, освещающие вопросы, связанные с политикой, историей, экономикой и культурой Омского региона [7 — 12]. Исследования были выполнены в соответствии с зарегистрированной темой НИР «Проблемы комплексного развития Западно-Сибирского региона: история, экономика, политика (11.01.2003 г. 043/01200285888), согласно решению VI Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития». Впервые в этих изданиях представлены основные геополитические особенности Омского региона. Более подробно раскрывается их влияние на социально-экономические и общественно-политические процессы в специ-

альных разделах монографий. Монографическое исследование «Омская область на пороге тысячелетий» (Омск, 2003) дает общее представление о политических процессах, экономическом развитии и социокультурной динамике Омского региона в конце XX – начале XXI в. [7]. Логическим продолжением предыдущего издания стала монография, изданная позднее (Омск, 2005) и выполненная коллективом авторов ППС ведущих вузов области и специалистами администрации Омской области, помощниками депутатов ЗСОО и мэра г. Омска и др. специалистами [8]. Коллектив автор не только показал особенности геополитические и социально-экономические Омского региона рассматриваемого периода, но и выделил основные острые проблемы, стоящие перед регионом, но раскрыл их влияние на экономические и общественно-политические процессы.

Материалы следующей коллективной монографии (Омск, 2007) посвящены экологическому состоянию, культурному и общественно-политическому развитию Омского Прииртышья, подготовленные известными в регионе и за его пределами специалистами, авторами исследований по истории, экономике, экологии, литературе и журналистике [9]. Важное место в работе занимает раздел, отражающий состояние компонентов окружающей среды Омской области. Выявлены стороны рационального и нерационального природопользования в регионе, приведены конкретные факты, подтвержденные материалами областной прокуратуры, материалами официальных источников и СМИ. На основе данного материала, исходя из тенденций и особенностей развития региона, возможен дальнейший прогноз в его развитии. Как свидетельствуют исторические факты и материалы разных изданий, не всегда мнение специалистов совпадает с мнением администрации города и области.

Представленные выше результаты выполнены известными в г. Омске специалистами, авторами исследований по вопросам политической и отечественной истории, экономики и социально-экономической географии, социологии и культуры. Все монографии снабжены приложениями, характеризующими динамику развития региона за рассматриваемый период в сравнении с предшествующими этапами развития области.

Одним из важных направлений проектов являются монографические исследования, посвященные проблемам социально-экономического и историко-политического развития муниципальных районов сельскохозяйственных зон Омского Прииртышья в посткоммунистический и постсоветский период.

Реализация данного проекта предшествовало издание, созданное в начале 90-х годов XX столетия по инициативе администрации Омской области и под руководством журналиста Александра Петровича Долгушина. Им создано издание, которое рассказывает о райцентрах Омской области. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Но достоинством этого издания автор данной статьи считает, что впервые были отражены веки исторических событий в пределах рассматриваемых территорий. Авторами были названы имена людей, которые внесли свой вклад в историю района, были определены основные исторические и экономико-географические особенности развития элементов хозяйственного комплекса района, его становления и развития как территориальной единицы Омской области [10].

В начале первого десятилетия XXI столетия впервые в Омском регионе проведены комплекс-

ные исследования на уровне микрорегионов (муниципальных районов). Авторы не только анализируют современное состояние всех элементов хозяйственного комплекса муниципальных районов, социальной сферы в рамках изменения политического режима за последнее двадцатилетие, но и рассматривают особенности развития территорий в историческом аспекте. В каждом очерке есть историческая справка, раскрывающая основные исторические аспекты и отражающая основные события в развитии района, а также параграф, раскрывающий особенности становления, формирования, развития поселений и элементов хозяйственного комплекса за период 1935–2011 гг. К настоящему времени коллектив авторов провел и опубликовал результаты исследований по трем сельскохозяйственным зонам: степной, южной лесостепи и северной лесостепи [11–13]. Все исследования можно рекомендовать при преподавании дисциплин исторического, экономического и экономгеографического циклов в вузах, в средних специальных учреждениях и др. учебных учреждениях.

Реализация комплексных исследований по региональному компоненту в Омском регионе продолжается. Хочется верить, что и каждый субъект Российской Федерации и их муниципальные районы будут иметь глубокую исследовательскую работу по всем направлениям краеведения. А также будет продолжен проект по созданию комплексных научно-исследовательских и учебных проектов по историко-географическому исследованию территории; что появятся новые возможности для публикации результатов своих исследований у ученых разных специальностей, предназначенных и для научных специалистов, и для широкого круга читателей. Для реализации подобных проектов необходима финансовая поддержка и на региональном, и на федеральном уровнях. В конце статьи хочу привести высказывание историка Омского региона Алексея Петровича Сорокина на открытии выставки, посвященной 135-летию со дня образования Омского отделения Русского географического общества, в областной библиотеке им. А. С. Пушкина (ноябрь, 2012): «География — наука наук». По мнению автора, не только география, но и история — это науки наук, которые дают возможность глубокого мышления каждому человеку, исследователю, определяют уровень образованности каждого жителя нашей страны. Знание состояния окружающей географической среды и изучение компонентов в историческом аспекте позволяет определить основные будущие направления в её развитии. Незнания истории и географии своей страны, региона — это шаги назад в развитии человека, общества и экономики. Комплексные исследования Омского региона необходимы, они имеют и теоретическое, и практическое значение. Новизна данной статьи состоит в том, что автор дал анализ результатов комплексного исследования и изучения территории разного иерархического уровня — области, как микрорегиона, и муниципального района, как микрорегиона, по отношению к субъекту Российской Федерации. Целесообразность и необходимость данных исследований неоспорима.

Библиографический список

1. Омская область: природа и хозяйство / Ред. М. К. Юрасова. — Омск : Омское кн. изд-во, 1963. — 204 с.

2. Третьяк, Г. А. География Омской области : учеб. пособие для учащихся 7–8 кл. / Г. А. Третьяк, Г. С. Улицкая. — Омск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. Омское отделение, 1969. — 112 с.
3. География Омской области : учеб. пособие для учащихся школ / А. Ф. Куракин [и др.]. — Омск : Омский институт усовершенствования учителей, 1991. — 144 с.
4. География Омской области : учеб. пособие для средней школы. — Омск : Омское кн. изд-во, 2001. — 192 с.
5. География Омской области. Природа. Население. Хозяйство : учеб. для общеобразоват. учреждений / И. М. Аблова [и др.] ; под ред. Л. В. Азаровой, Г. И. Саренко. — Омск : Ин-т развития образования, 2009. — 280 с.
6. Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья. — Омск, 2002 (2006). — 576 с.
7. Омская область на пороге тысячелетий: политика, экономика, культура : моногр. / Ж. В. Лазарева [и др.] ; под общ. ред. С. В. Новикова, Р. А. Рияновой. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2003. — 244 с.
8. Социально-экономические и политические процессы в современной России (на примере Омской области) : моногр. / Л. В. Азарова [и др.] ; под общ. ред. С. В. Новикова, Р. А. Рияновой. — Омск : ОмГАУ, 2005. — 428 с.
9. Социальная и политическая жизнь Омского Прииртышья. Проблемы региональной и национальной безопасности : моногр. / Л. В. Азарова [и др.] ; под общ. ред. С. В. Новикова, Р. А. Рияновой. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. — 544 с.
10. Райцентры Омской области / Сост. А. П. Долгушин. — Омск : Омич, 1992. — 390 с.
11. Новейшая история социально-экономического и политического развития районов Омской области. Степная зона : моногр. / Л. В. Азарова [и др.] ; ред. кол. : Л. В. Азарова, И. А. Костюк, С. В. Новиков, Р. А. Риянова. — Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2008. — 446 с.
12. Новейшая история социально-экономического и политического развития районов Омской области. Южная лесостепь : моногр. / Л. В. Азарова [и др.] ; ред. кол. : Л. В. Азарова, А. Г. Бекбаева, С. В. Новиков, Р. А. Риянова. — Омск : ИПК Макшеевой Е. А., 2010. — 590 с.
13. Новейшая история социально-экономического и политического развития районов Омской области. Северная лесостепь : моногр. / Л. В. Азарова [и др.] ; редакционный коллектив : Л. В. Азарова, А. Г. Бекбаева, И. А. Костюк, С. В. Новиков, Р. А. Риянова. — Омск : ИПК Макшеевой Е. А., 2012. — 529 с.

АЗАРОВА Людмила Васильевна, кандидат географических наук, доцент (Россия), научный сотрудник факультета истории, философии и права.
Адрес для переписки: milazar55@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2012 г.
© Л. В. Азарова

УДК 95(57):332.025.13

А. Г. ДИАНОВ

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

СОЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ ОРГАНОВ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ. ЧАСТЬ 2

В статье на основе разнообразных источников анализируется процесс выработки основ деятельности объединенного органа партийно-государственного контроля (Центральная контрольная комиссия — рабоче-крестьянская инспекция). Показаны этапы организационной перестройки наркомата РКИ СССР. Значительное внимание уделяется изменению функций, задач и методов работы рабоче-крестьянской инспекции формам и способам взаимосвязи Центральной контрольной комиссии и наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская инспекция, Центральная контрольная комиссия, реорганизация, нэп.

Часть 1 опубликована в ОНВ. — 2013. — № 3(119). — С. 11–13.

Реорганизация наркомата РКИ и ЦКК проходила в обстановке перестройки всего государственного аппарата в связи с образованием СССР. 30 апреля 1923 г. Президиум ВЦИК назначил председателя ЦКК РКП(б) В. В. Куйбышева наркомом РКИ СССР. Совнарком по его представлению 5 мая 1923 г. назначил коллегию КК РКИ СССР в следующем составе: первый заместитель наркома — В. А. Аванесов, второй заместитель наркома — А. С. Киселев, члены коллегии — С. Е. Розмирович, Н. Н. Баранский, С. Е. Чуцкаев, И. Ф. Манцев, Н. И. Ильин, Н. М. Шверник [1, с. 116].

На первом заседании новой коллегии НК РКИ СССР 7 мая 1923 г. было образовано 6 комиссий: 1) по выработке общего плана работы РКИ и ЦКК под руководством В. В. Куйбышева; 2) по изучению аппарата НК РКИ и установлению плана его организации (руководитель А. С. Киселев); 3) по составлению законопроектов об освобождении РКИ от ряда функций, не свойственных ее новым задачам (руководитель В. А. Аванесов); 4) по выработке плана объединения наркоматом РКИ всех существующих учреждений, работающих в области научной организации труда (руководитель И. Р. Манцев); 5) по

составлению плана проверки личного состава и комплектования персонального состава реорганизованного НК РКИ (руководитель Н. Н. Баранский); 6) по выработке плана реорганизации местных органов РКИ (руководитель С. Е. Чудцаев) [2, л. 1].

23 мая 1923 г. состоялось расширенное заседание президиума ЦКК и коллегии НК РКИ, обсудившее проект положения о ЦКК и наметившее принципы и порядок взаимоотношений ЦКК и НК РКИ [3, с. 242].

В проекте предусматривалось распределение членов ЦКК на три группы. Первая в составе 15–20 человек должна была работать под общим руководством президиума ЦКК над материалами, поступающими на рассмотрение ЦК РКП(б) и его органов, и принимать участие в важнейших обследованиях, поручаемых ЦК наркомату РКИ СССР. Вторая группа в количестве 25–30 человек направлялась для работы в НК РКИ СССР под общим руководством наркома РКИ СССР. Третья группа — 7 человек — составляла партийную коллегию для рассмотрения дел по нарушению членами партии Устава РКП(б) [4, с. 37].

В ходе совещания два члена ЦКК, входящие в состав президиума НК РКИ, выступили против некоторых положений проекта. Е. Ф. Розмирович полагал, что выделение из состава ЦКК особой группы, непосредственно подчиненной ЦКК и осуществляющей обследование вне плана РКИ, является отступлением от идей В. И. Ленина. Н. Н. Барановский выступил против разделения членов ЦКК по группам [5, л. 1, 2].

В том, что ближайшей задачей новой РКИ является создание образцового аппарата, были согласны все члены ЦК РКП (б), ЦКК и руководства РКИ. Подходов к решению было два: реорганизация или упразднение. Меньшинство выступало за увольнение всех сотрудников РКИ и набор новых. Большинство считало данный путь неправильным, поскольку не удастся найти подготовленных к ревизионной деятельности людей в других наркоматах и будет потеряны опыт. Поэтому необходимо реорганизовать аппарат, включив в состав новой РКИ наиболее способных работников, имеющих большой опыт [6, с. 5].

Первые практические шаги по реорганизации рабоче-крестьянской инспекции были сделаны в мае 1923 г. Коллегией НК РКИ 29 мая 1923 г. устанавливался обязательный экзамен, который должны были сдавать все работники, состоящие на инспекторских должностях и все вновь принимаемые на эти должности. Для первой категории экзамен состоял из теоретической проверки знаний по четырем направлениям: 1) советское строительство; 2) экономическая политика Советской власти; 3) научная организация труда; 4) основы счетоводства, отчетности и калькуляции. Кроме этого, экзаменаторы оценивали проделанную инспекторами работу. Главное внимание уделялось проверке работы сотрудников в наркомате РКИ. У вновь поступающих на работу в РКИ осуществлялась проверка теоретических знаний [7, с. 23, 30].

Одновременно с началом реорганизации аппарата специальная комиссия РКИ приступила к составлению нового плана работы, основанного на изменении функций РКИ. По этому вопросу несомненный интерес представляют высказывания в прессе одного из членов коллегии РКИ Н. Н. Барановского. В статье «О плане работ РКИ» он констатировал, что предыдущие планы работ не были выполнены. Плановая работа срывалась ударными заданиями, получаемыми от руководства и не включенными первоначально в план, а также различной сверхплановой работой. Автор акцентировал внима-

ние на множестве обязанностей РКИ: «Если собрать все обязанности РКИ, предусмотренные законом, и в особенности собрать сыплющиеся ежедневно постановления, поручающие РКИ расследовать, выяснить, согласовать, разработать, проверить и т.п., то, несомненно, что какой бы штат у РКИ не был, количество получаемой со стороны работы будет все время обгонять предельную работоспособность штата. Необходимо отказаться от значительной части функций... Основная идея плана ни в коем случае не может идти в противоречие с задачей рационализации управленческого дела, так как с технической стороны совершенно безразлично, какие области этого труда будут выбраны для проведения опытов. Основная идея плана должна предусматривать выбор для этих опытов наиболее жизненно важных и интересных областей, где управление имеет дело больше с людьми, чем с вещами» [6, с. 3, 4].

Дискуссия о функциях РКИ ускорила принятие постановления «О внесении на рассмотрение законодательных органов освобождения РКИ от ряда функций» коллегией НК РКИ. Согласно данному постановлению, принятому 29 мая 1923 г., коллегия признавала необходимым освобождение РКИ от следующих функций:

1) документального контроля и сплошной последующей документальной ревизии исполнения росписи доходов и расходов. Эта обязанность возлагалась на Наркомфин, общее заключение по отчету которого надлежало давать РКИ;

2) обязательного предварительного заключения всех сметных предложений ведомств;

3) подачи заключений по отпуску средств государственным, административным и хозяйственным органам;

4) наблюдения за исполнением декретов и постановлений в области финансового управления;

5) обязательного участия в рассмотрении ежемесячных ассигнований кредитов ведомствам;

6) рассмотрения вопросов по продвижению кредитов из одного сметного подразделения в другое, ... всех вопросов, связанных с закрытием кредитов;

7) всех видов сплошного, текущего контроля и надзора за денежными операциями госорганов, участия в приемках и сдачах материалов, участия в публичных торгах, ..., производства обследований по требованиям прокуратуры, суда и следственных органов, обязательного наблюдения за правильным хозяйственным заключением договоров, выдачей нарядов и выполнением заготовок;

8) обязательного участия в межведомственных совещаниях и заседаниях;

9) представления заключений в высшие законодательные органы по всем вопросам, не имеющим непосредственного отношения к новым задачам РКИ по улучшению госаппарата;

10) исполнения специальных обязанностей, возложенных РКИ по бюро жалоб, направленных к защите и охране частноправовых интересов: освобождение от принятия и рассмотрения заявлений и жалоб, не содержащих указаний на несовершенство государственного аппарата и на проявляемое должностными лицами пренебрежительное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян [7, с. 1, 2].

Сравнивая текст проекта в том виде, в котором он был принят, с текстом, представленным коллегией, следует отметить, что РКИ не отказывалась от своих прав, она требовала лишь освобождения от обязательного для себя их осуществления. Она могла потребовать на рассмотрение сметные пред-

ложения ведомств в тех случаях, когда считала это необходимым, но не была обязана это делать. То же в отношении участия в межведомственных и ведомственных совещаниях.

Из отказа от документального контроля и последующей ревизии логически вытекали все последующие пункты законопроекта. Заключение, которые требовали от РКИ, задания, которые ей давались, — в основе всего этого лежало убеждение, что у РКИ имеется масса ревизионных материалов, на основе которых она сможет дать заключение или дельный совет в ходе совещания. После проведения реорганизации данных материалов у РКИ не будет и вследствие этого теряет смысл участие во многих совещаниях. Отказ от множества обязанностей должен был позволить РКИ сосредоточить основные силы на работе по систематическому улучшению госаппарата на основе планомерного изучения этого аппарата, методов научной организации труда и управления [7, с. 2].

Сужение круга обязанностей РКИ не предполагало полного ухода от контроля за деятельностью государственного аппарата. В партийных кругах в изучаемый период бытовало мнение о том, что в отличие от формального понимания законности в буржуазных странах, в СССР применение буквы закона должно быть творческим процессом истолкования духа закона советским администратором или судьей и наблюдение за этим применением со стороны РКИ должно быть свободным от формального подхода и проникнуто классовым пониманием целей. В ходе проведения в жизнь экономической политики необходимо сотрудничество законодателя, судьи и администратора. Обязателен государственный надзор специальных органов, координирующих деятельность администраторов и судей в области применения закона. Таким органом в отношении юстиции являлся наркомат юстиции (НКЮ) в лице прокуратуры. В отношении советских административных органов эту роль выполняла и должна выполнять РКИ. Те нормализационные задачи, которые были поручены XII съездом РКП(б) РКИ, по мнению ее руководства, не будут выполнены, если у РКИ не будет возможности осуществлять надзор за законностью административной деятельности и хозяйственных операций. Причем такой надзор из формального должен перерасти в политический и хозяйственный контроль по существу и нормализация госаппарата неразрывно связана с этим процессом [7, с. 4, 5].

Важную роль в проведении реорганизации РКИ играло созданное Совнаркомом 30 мая 1923 г. особое совещание в составе коллегии НК РКИ представителей от НК юстиции (НКЮ), НК путей сообщения (НКПС), реввоенсовета (РВСР) НК труда (НКТруд), высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), Госплана, Всероссийского Центрального Совета Народного Хозяйства (ВЦСПС) под общим руководством заместителя председателя совнаркома А. Д. Цурюпы. Особое совещание рассматривало проект положения о НК РКИ и другие документы, относящиеся к реорганизации РКИ и отправляло их на отзыв во все наркоматы с просьбой прислать поправки. Через некоторое время проекты вновь обсуждались на особом совещании и отправлялись в коллегию НК РКИ для окончательной доработки [8, л. 49; 9, л. 18, 19].

20 июня 1923 г. состоялось совместное заседание президиума ЦКК и коллегии НК РКИ. На заседании были рассмотрены: проект положения о РКИ, проект постановления об освобождении НК РКИ от

ряда функций, проект постановления о возложении ответственности на руководителей ведомств за состояние и работу аппарата, подчиненных им органов управления и хозяйства. В ходе обсуждения в проекты были внесены важные дополнения, в частности, о том, что НК РКИ СССР должен давать заключения по отчетности исполнения росписи доходов и расходов, составляемые Наркомфином СССР [10].

Пленум ЦКК РКП(б) 20–22 июня 1923 г., на котором присутствовали представители ЦК РКП(б) И. В. Сталин и В. М. Молотов, рассмотрел вопрос о взаимоотношениях ЦКК и НК РКИ. Организационно их взаимоотношения выражались в том, что председатель ЦКК являлся одновременно наркомом РКИ СССР, состав президиума ЦКК персонально почти совпадал с составом коллегии НК РКИ СССР: из девяти членов коллегии НК РКИ в 1923 г. только двое не были членами ЦКК. Руководящий состав НК РКИ в основном состоял из членов ЦКК [11, л. 11; 12, с. 25].

6 сентября 1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли два декрета: «О реорганизации народных комиссариатов Рабоче-крестьянской инспекции союзных республик» и «Об освобождении Рабоче-крестьянской инспекции от ряда принадлежащих ей функций» [13, с. 119–120]. Согласно первому декрету, на РКИ возлагалось общее руководство всеми работами по перестройке и совершенствованию советского аппарата в целом, а также проведение в жизнь всех необходимых для этого мероприятий при личной ответственности руководителей учреждений за деятельностью подчиненных им административных и хозяйственных органов.

Реорганизованный наркомат РКИ должен был в основном применять метод инспекционно-ревизионного обследования. Он значительно отличался от метода фактической ревизии. Теперь главной целью обследования становилось выяснение практических результатов деятельности хозяйственных и административных органов. При обнаружении злоупотреблений и хищений РКИ должна была выявлять наиболее типичные случаи и разрабатывать организационные способы по предотвращению подобных видов хищений и злоупотреблений.

По предложению ЦКК в сентябре 1923 г. Политбюро рекомендовало все проекты, касавшиеся существенных изменений в организации государственных учреждений, предварительно выносить на рассмотрение президиума ЦКК и коллегии НК РКИ и только после этого передавать в партийные или государственные органы для принятия соответствующих постановлений [14, л. 1; 15, с. 292].

12 ноября 1923 г. ЦИК Союза ССР по предложению правительства утвердил «Положение о народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции Союза Советских Социалистических Республик». В нем определялись задачи, права и структура НК РКИ. На наркомат возлагались следующие задачи: «Практическое и теоретическое изучение дела управления; выявление недостатков и достоинств действующих органов управления, устранение первых и закрепление последних; постановка опытов и проведение в жизнь практических мероприятий по рационализации техники управления, делопроизводства и отчетности; выработка наиболее совершенных форм счетоводства, калькуляции и составления балансов; выработка планов изменения структуры государственных органов; ... побуждение государственных, административных и хозяйственных органов к улучшению их аппаратов, обобщение

и популяризация их опыта» [16, ст. 1042]. На НК РКИ возлагалась задача осуществления общего руководства за деятельностью «всех учреждений, занятых изучением научной организации труда, производства и техники управления», организация в отдельных случаях имеющих государственное значение «опытных станций, показательных учреждений и ячеек содействия по улучшению государственного аппарата» [16, с. 163–164].

Помимо вышеизложенных задач, положение обязывало наркомат РКИ давать оценку и осуществлять проверку по существу работы руководителей и сотрудников административных и хозяйственных органов Союза ССР, оказывать им содействие в подборе личного состава, необходимых мер к практической подготовке рабочих и крестьян на ответственные руководящие должности; обследовать и изучать причины преступлений и бесхозяйственности руководителей и сотрудников государственных органов. РКИ должна была быть особенно требовательной к той части государственного аппарата и хозяйственных органов, которые непосредственно соприкасались с населением. На наркомат РКИ также возлагалась задача тщательного изучения государственного бюджета Союза ССР и «учет опыта его исполнения с точки зрения его финансовой реальности и хозяйственной целесообразности» [16, с. 104].

Постановление предусматривало выполнение НК РКИ специальных заданий и поручений «высших законодательных органов Союза ССР», контроль «за проведением в жизнь постановлений и решений этих органов, в первую очередь направленных к усовершенствованию государственного аппарата» [16, с. 165].

Для выполнения поставленных перед РКИ задач в Положении были предусмотрены и широкие права: беспрепятственно получать от всех учреждений, предприятий и организаций необходимые сведения, вызывать руководителей и сотрудников учреждений и организаций для объяснений и на совещания, вносить предложения об увольнении отдельных должностных лиц или о наложении на них дисциплинарных взысканий, приостанавливать явно незаконные распоряжения и действия учреждений, а также возбуждать против виновных преследование в административном и судебном порядке. РКИ могла объявлять через печать списки должностных лиц, уличенных при ревизии в преступлениях, проступках, бесхозяйственности, разгильдяйстве и пренебрежительном отношении к нуждам трудящихся [16, с. 165–168].

Положением о НК РКИ была определена структура НК РКИ СССР. Она строилась в основном по отраслевому принципу. Каждая отрасль управления имела свою инспекцию, отдел или секцию [16, с. 168, 169].

Созданный как общесоюзный, наркомат РКИ осуществлял общее руководство за деятельностью наркоматов РКИ союзных республик и одновременно осуществлял оперативное руководство местными отделениями РКИ на территории РСФСР. К осени 1923 г. стало очевидно, что для более эффективной работы по координации деятельности общесоюзных наркоматов РКИ, совершенствования аппаратов общесоюзных ведомств и выработке общесоюзных нормативов в рамках компетенции НК РКИ наркомату необходимо передать оперативное руководство местными отделениями РКИ на территории РСФСР.

13 декабря 1923 г. на коллегии РКИ СССР было принято решение об образовании НК РКИ РСФСР

[17, л. 49]. 19 декабря 1923 г. Совнарком СССР принял постановление, где было указано, что «наркомат РКИ поручается в 2-недельный срок представить Положение о наркомате РКИ РСФСР для рассмотрения и утверждения в СНК» [18, л. 195].

На основании этого постановления было разработано Положение о НК РКИ РСФСР, согласно которому были разграничены функции между НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР. Административная, культурно-просветительская и сельскохозяйственная инспекции целиком были переданы в ведение НК РКИ РСФСР. Вопросы административные, культурно-просветительские, социального обеспечения, земледелия, юстиции и здравоохранения разрабатывались в НК РКИ СССР только в масштабе общесоюзного значения. Промышленная, торговая и финансовая инспекции оставались в наркомате РКИ СССР, а в распоряжение наркомата РСФСР выделялось необходимое число работников для его экономической группы [19].

Таким образом, идея соединения деятельности партийного и государственного контроля, высказанная В. И. Лениным в работах «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», преодолев сопротивление в руководящих кругах партии и пройдя через дискуссию на страницах партийных и ведомственных изданий, была с небольшими изменениями воплощена в жизнь.

Реорганизованная рабоче-крестьянская инспекция сохранила свою организационную самостоятельность, однако было бы неправильным преуменьшать степень соединения деятельности ЦКК-РКИ. Не случайно в период их совместной деятельности закрепился термин «органы ЦКК-РКИ». Новый контрольный орган действовал по согласованному плану. ЦКК играла роль своеобразной партийной фракции в РКИ, определяя направление ее работы. В соответствии с этим часть членов ЦКК постоянно работала в органах РКИ.

Сфера деятельности наркомата РКИ по-прежнему распространялась на государственный и хозяйственный аппарат. Однако теперь главной целью обследований становилось выяснение практических результатов работы административных и хозяйственных органов, а не всесторонний контроль над всеми сферами деятельности подотчетных организаций.

В сфере борьбы с злоупотреблениями и хищениями внимание акцентируется на выявление наиболее типичных случаев и разработку организационных способов по предотвращению этих негативных явлений. Важным новым направлением работы становится проверка и оценка деятельности руководителей и сотрудников, административных и хозяйственных органов и оказание им содействия в подборе личного состава.

К началу 1924 г. реорганизация центрального аппарата РКИ, в основе которой лежало изменение задач и организационное слияние с ЦКК, в основном завершилась. В дальнейшем организационная структура НК РКИ СССР и республиканских наркоматов РКИ постоянно подвергалась серьезным изменениям, но принципы взаимоотношений РКИ и ЦКК, формы и методы их взаимосвязи, выработанные в 1923 г., до конца 20-х гг. почти не изменялись.

Библиографический список

1. Иконников, С. Н. Организация и деятельность РКИ в 1920–1925 гг. / С. Н. Иконников. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 215 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. — 374. Оп. 1. Д. 8.
3. Воскресенская, Н. А. В. И. Ленин — организатор социалистического контроля / Н. А. Воскресенская. — М.: Советская Россия, 1970. — 324 с.
4. Справочник для контрольных комиссий РКП. — М., 1923. — 98 с.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 6.
6. Известия рабоче-крестьянской инспекции. — 1923. — 8 мая. — № 12. — С. 3—5.
7. Известия рабоче-крестьянской инспекции. — 1923. — 10 июня. — № 13—14. С. 1—30.
8. ГАРФ. Ф.Р. — 4085. Оп. 1. Д. 317.
9. ГАРФ. Ф.Р. — 374. Оп. 1. Д. 7.
10. Правда. — 1923. — 22 июня.
11. ГАРФ.Ф.Р. — 374. Оп. 1. Д. 24.
12. Куйбышев, В. В. Задачи ЦКК и РКИ / В. В. Куйбышев. — М., 1924. — 120 с.
13. Краснов, А. В. ЦКК — РКИ в борьбе за социализм / А. В. Краснов. — Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1973. — 567 с.

14. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 2. Д. 99.
15. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 4. Кн. 1. — М.: Политиздат, 1924. — 664 с.
16. Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917—1975 гг.) // Сборник документов и материалов. — М.: Политиздат, 1975. — 626 с.
17. ГАРФ. Ф.Р. — 374. Оп. 1. Д. 13.
18. ГАРФ. Ф.Р. — 130. Оп. 7. Д. 149.
19. Известия. — 1924. — 11 января.

ДИАНОВ Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии.

Адрес для переписки: dianov_60@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.11.2012 г.

© А. Г. Дианов

УДК 947.086/088

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный
технический университет

НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКАЯ «ЭКВИЛИБРИСТИКА» АКАДЕМИКА Т. Д. ЛЫСЕНКО

Статья посвящена рассмотрению взглядов академика Т. Д. Лысенко на проблемы внедрения достижений науки в аграрное производство как фактора укрепления его господствующего положения в науке. В статье подчеркивается конъюнктурный характер подходов Т. Д. Лысенко к проблемам внедрения.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, внедрение, СССР.

На протяжении длительного времени, со второй половины 30-х до середины 60-х годов прошлого столетия, положение дел в сельскохозяйственной и биологической науках определялось доминирующим положением академика Т. Д. Лысенко. На научную безграмотность и порочность всего стиля работы еще «в начале славных дел» Т. Д. Лысенко указывали многие выдающиеся ученые страны (Д. Н. Прянишников, Н. И. Вавилов и др.). С течением времени количество его оппонентов в научной среде увеличивалось. У представителей высшего эшелона власти страны отношение к Т. Д. Лысенко также было неоднозначным. Так, А. А. Жданов говорил о «низкой внутренней и внешней культуре Лысенко, об отсутствии в нем интеллигентности» [1, с. 242]. Тем не менее менялись руководители государства, а Лысенко сохранял свое доминирующее положение. Правда, он мог лишиться какого-либо научного бюрократического поста, оставаясь при этом неформальным «лидером» и главным «теоретиком» в биологической и аграрной науках СССР.

В чем же секрет его «лидерского» долголетия? Профессор А. А. Любищев писал, что на него про-

изводил впечатление «фейерверк» практических предложений Т. Д. Лысенко, который был «настолько ослепителен, что если бы даже одна пятая часть из них принесла тот эффект, который был обещан, то все его теоретические ошибки были бы прощены...» [2, с. 26]. Известный историк науки Л. Грэхэм обращал внимание на способности Т. Д. Лысенко «заискивать, извлекать пользу из той или иной политической ситуации, эластичность его взглядов и убеждений» [3, с. 145]. Соглашаясь с указанным выше, подчеркнем, что, на наш взгляд, «восхождение» и длительное сохранение монопольного положения Т. Д. Лысенко в науке в значительной степени явилось результатом его использования в собственных целях специфической ситуации, сложившейся в отношениях аграрной науки и практики в то время.

«Самой характерной чертой нашего сельского хозяйства в прошлом был полный отрыв его от науки. Русская наука стояла сравнительно высоко, не уступая западноевропейской. Мы имели первоклассные научные учреждения, опытные станции, опытные поля, но жизнь большой страны шла мимо этих опытных станций; они были своего рода музей-

ми, в которые кое-кто заглядывал изредка, но за оклицей опытного поля начиналась отсталая, нищая, средневековая деревня», — писал Н. И. Вавилов [4, с. 336]. Нельзя не согласиться с мыслью Николая Ивановича об отрыве нашего сельского хозяйства от науки. Однако приведенная цитата требует и соответствующей конкретизации. Дело в том, что в России, пережившей лишь кратковременный, к тому же сегментарный, этап капиталистической эволюции, сохранялась значительная оторванность науки от практических, производственных нужд. Если в области фундаментальных наук были достигнуты значительные успехи, то прикладные науки, хотя и стали активно развиваться, находились еще в зачаточном состоянии. Особенно это справедливо в отношении аграрной науки. Да, в нашей стране имелись первоклассные научные учреждения, в которых работали выдающиеся ученые, но научно-опытная сеть была малочисленной, слабо структурированной, исследования имели излишне академичный характер.

В условиях Советской власти, считающей науку важнейшим катализатором развития нового общества, в целях «приближения» науки к производству было резко увеличено количество научно-исследовательских институтов и опытных станций, а в 1929 г. создается ВАСХНИЛ. Предполагается изучение многочисленных проблем развития растениеводства и животноводства, использования удобрений, осеверения земледелия, проведения оросительных работ, механизации сельского хозяйства, «овладения пространством» и т.д. Однако оказалось, что механическое увеличение численности сельскохозяйственных научных учреждений далеко не решает проблему «онаучивания» сельского хозяйства: необходимы были высококвалифицированные научные кадры, а для их формирования требовалось время! «Основная нужда сейчас не в расширении масштабов работ, не в дополнительном техническом персонале и даже не в оборудовании, которое далеко от идеала, а в теоретической подкованности. Гипертрофия масштабов требует ограничения», — подчеркивал Н. И. Вавилов [5, с. 74]. В докладе, посвященном шестилетию ВАСХНИЛ, Николай Иванович указал на «недостаточный уровень нередко даже руководящего персонала в научных учреждениях» [5, с. 97].

В условиях ограниченности средств для развития сельского хозяйства первостепенное внимание уделялось выведению новых сортов. Однако селекционные исследования, основанные на традиционных методах, были весьма длительными и на получение нового сорта уходило 10–15 лет. Процесс же соединения селекции с генетикой имел непростой и противоречивый характер, к тому же генетические исследования не носили еще прикладного характера. Следовательно, возможности сельскохозяйственной науки в деле «онаучивания» и «окультуривания» аграрной отрасли объективно были весьма ограничены.

Одновременно важно учитывать и то, что культура производства в сельском хозяйстве в значительной степени была обусловлена длительной экстенсивной аграрной традицией в нашей стране. «Простор и обилие земли везде одинаково балуют земледельца», — писал замечательный российский агроном XIX в. А. В. Советов [6, с. 62]. При наличии большого количества земли потребность в агрономических знаниях была невелика. Главным фактором поддержания урожайности оставалось постоянное вовлечение в хозяйственный оборот целинных

и залежных земель. Особенно это было характерно для малонаселенных и многоземельных окраин страны. В исторической литературе исследователями отмечается специфичный интерес к научно-аграрному знанию на малозаселенных окраинах, и в частности в Сибири, связанный с введением в оборот и использованием больших пространств: «Наибольший интерес у земледельца вызывали сельскохозяйственные машины, борьба с вредителями, улучшенные сорта растений, в минимальной степени проявлялся интерес к агрохимии, к улучшению плодородия почвы. В целом же в Сибири, как и в других странах с аналогичными условиями сельскохозяйственного производства, агрономическая наука развивалась слабо. Ее развитие слабо обеспечивалось реальными потребностями» [7, с. 44].

Нельзя не учитывать и того, что именно аграрная отрасль была источником финансирования промышленного развития страны в последние десятилетия XIX века. Подобная ситуация повторилась некоторое время спустя и в процессе промышленной модернизации СССР. Лишь в 1950-е годы были предприняты шаги в направлении прекращения дискриминационной государственной политики в отношении сельского хозяйства.

Наконец, следует указать и на процессы архаизации сельского хозяйства, проявившиеся в условиях нэпа и явившиеся результатом государственной политики, направленной на осереднячивание деревни, в итоге главенствующей фигурой в деревне стал крестьянин-единоличник с небольшим земельным участком и хозяйством. Коллективизация, рассматриваемая как средство предотвращения архаизации аграрной отрасли экономики, первоначально изменила ситуацию радикально не смогла, поскольку осуществлялась параллельно с процессами индустриализации страны и занимала по отношению к ним подчиненное положение.

Таким образом, наряду с ограниченными возможностями науки в деле повышения продуктивности нашего сельского хозяйства, и интерес производителей к научным рекомендациям был также незначителен. То есть сложилась специфическая ситуация, когда научные учреждения могли предложить производству весьма немного, а производство не стремилось, да и не могло даже это немного воспринять. Естественно, что для изменения положения необходима была кропотливая, скрупулезная, постоянная и достаточно длительная работа как в области научно-организационной, с одной стороны, так и в области производственной — с другой.

Но именно эту ситуацию, объективно сложившуюся и отражающую непростую логику соединения аграрной науки и производства в нашей стране, использовал Т. Д. Лысенко, который стал позиционировать себя в качестве главного апологета немедленного и скорого «онаучивания» производства, обещая при этом получение быстрых практических результатов. Н. И. Вавилов, также призывавший «в растениеводстве продолжать начатую революцию», ведущий большую научную, научно-организационную работу и разрабатывающий принципы организации внедренческой деятельности, в силу своей человеческой и научной принципиальности и честности не мог давать невыполнимых обещаний: он был арестован в 1940 г. по обвинению в «отрыве работы от прямых задач социалистического производства».

Что же предлагал Лысенко в качестве необходимых мер для преодоления «отрыва» науки от практики?

В области научной естественно возникшие ограничения, следуя рекомендациям Т. Д. Лысенко, легко преодолевались посредством использования методов «творческого дарвинизма». В частности, в области селекционной деятельности пропагандировался «метод» «перевоспитания» сельскохозяйственных культур условиями окружающей среды, причем подчеркивалось, что его использование сокращает сроки выведения новых сортов до нескольких лет. Этот, по словам Лысенко, «простой, каждому доступный способ улучшения наследственности» рекомендовался колхозам и совхозам для создания местных сортов» [8, с. 80]. В результате подобной примитивизации науки исключался какой-либо дефицит в научных кадрах. Более того, в «исследованиях» допускалось и приветствовалось участие широких масс производственников. В результате это привело к полной дезорганизации как аграрных исследований, так и опытной деятельности на селе.

Примитивизация науки имела своим следствием и то, что производству рекомендовались «простые до трогательности указания крестьянам» [3, с. 110]. Эти указания, конечно, не могли иметь и не имели серьезного производственного значения, но именно через них Лысенко демонстрировал преодоление «отрыва» сельскохозяйственной науки от практики.

Нужно подчеркнуть, что внедренческий «энтузиазм» Лысенко усиливался тогда, когда его лидерские позиции оказывались под угрозой. Особенно это характерно для рубежа 1940-х — 1950-х годов, когда теряющий научный авторитет Лысенко вынужден был обратиться к авторитету власти: в июле 1948 г. вопрос о поддержке позиции Лысенко обсуждался на Политбюро ЦК ВКП(б) [9, с. 455 — 456].

Созванная в экстренном порядке в августе 1948 г. сессия ВАСХНИЛ объявила взгляды Лысенко единственно верными и правильными. На данной сессии ВАСХНИЛ вопрос о приближении научных исследований к запросам производства был одним из главных. Т. Д. Лысенко опять позиционировал себя как активный сторонник единения науки и практики: «Социалистическое земледелие нуждается в развитой, глубокой биологической теории, которая помогла бы быстро и правильно совершенствовать агрономические приемы возделывания растений и получения от них высоких устойчивых урожаев. Оно нуждается в глубокой биологической теории, которая помогла бы работникам сельского хозяйства в кратчайшие сроки выводить нужные высокопродуктивные формы растений, по своей природе отвечающие высокому плодородию, создаваемыми колхозниками на своих полях», — говорил он в своем выступлении [10, с. 36 — 37]. Он характеризовал «мичуринскую» биологическую науку как развивающуюся «в тесном единстве с агрономической практикой, как агрономическую биологию» [10, с. 12]. Противники Лысенко критиковались именно за недостаточное внимание к решению производственных задач: «Напрасно некоторые думают, что этот гром прогремел только над формальной генетикой. Гром прогремел над всеми теми, которые в затхлых кабинетах оторвались от темпов развития советской, социалистической жизни ... Нам нужно естествознание не для музея, а для жизни», — говорил, к примеру, один из участников сессии [10, с. 436].

После августа 1948 г. Т. Д. Лысенко обязан был продемонстрировать свою научную правоту и эффективность. Он получил неограниченные полномочия для реализации своих рекомендаций. «Никогда,

нигде, ни один в мире ученый не пользовался такими правами и средствами в государстве, как Лысенко с привлечением для осуществления своих замыслов людей разных степеней и званий от министров, академиков, профессоров, научных работников до маленьких работников с огромной экспериментальной базой на территории всего Союза», — так характеризует ситуацию современник [11, л. 39]. Причем эта демонстрация должна была быть практически немедленной: оправдаться ссылкой на противодействие оппонентов было уже нельзя. К тому же на августовской сессии ВАСХНИЛ лысенковцы были публично обвинены в невыполнении своих обещаний о выведении новых сортов в два года [10, с. 137]. Однако демонстрировать было нечего. Профессор А. А. Любищев именно в это время проанализировал ситуацию с разрекламированными и многообещающими рекомендациями Лысенко и, оценив их практическую ценность, пришел к следующему выводу: «Среди многочисленных практических предложений академика Т. Д. Лысенко трудно назвать такое, значение которого соответствовало бы высказываниям о нем автора предложения ... Ряд предложений не новы, малоэффективны и значение их чрезмерно раздуто; другие новы, но неверны; есть такие, которые, видимо, могут иметь известное значение в определенных условиях, но безоговорочное их применение приносит часто вред вместо пользы ... Все высказывания Лысенко проникнуты совершенно исключительным хвастовством, и по ряду вопросов уже можно утверждать, что данные им обещания выполнены не были» [2, с. 47].

Казалось, что наступает момент истины. Но 19 июня 1950 г. появляется постановление ЦК ВКП(б) «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве» [12]. Главная мысль указанного документа состоит в том, что «советская агрономическая наука, передовая практика колхозов, совхозов, МТС накопила огромный опыт ведения крупного социалистического сельского хозяйства», в то время как «ценнейшие научные открытия, новые приемы и методы ... не находят применения в колхозном и совхозном производстве» [12, с. 218]. Причина сложившегося положения, согласно постановлению, состояла в отсутствии системы, осуществляющей «в масштабах страны плановое внедрение во все отрасли сельского хозяйства разработанных наукой и передовой практикой новых приемов и методов труда» [12, с. 219]. Поэтому создавалась своеобразная «внедренческая» вертикаль: в Министерстве сельского хозяйства СССР и в Министерстве сельского хозяйства Украинской ССР учреждалось Главное управление сельскохозяйственной пропаганды, а в министерствах сельского хозяйства других союзных республик — управления сельскохозяйственной пропаганды во главе с первым заместителем министра; в областных и краевых управлениях и министерствах сельского хозяйства автономных республик образовывались управления сельскохозяйственной пропаганды, руководство которыми возлагалось на первого заместителя начальника управления. В районах руководство сельскохозяйственной пропагандой и внедрением передового опыта возлагалось на районные отделы сельского хозяйства, для чего их штаты были расширены.

После принятия постановления в течение нескольких лет в центре внимания партийных и государственных органов оказались вопросы, связанные с организацией деятельности вновь создаваемой

структуры. А это смещение акцентов более всего было выгодно группе Т. Д. Лысенко. Поэтому логично предположить, что постановление было инициировано и готовилось сторонниками Лысенко в государственных и научных структурах. Это подтверждается тем, что процедура подготовки постановления была аналогичной процедуре подготовки августовской сессии ВАСХНИЛ, т.е. все это имело скрытый от научной общественности характер. Хотя к указанному времени уже сложилась традиция, согласно которой принятие постановлений, имеющих узкопрофессиональный характер, предвлялось обсуждением в среде специалистов, о чем, как правило, свидетельствовала переписка руководителей научных учреждений с вышестоящими структурами. Ничего подобного, относящегося к рассматриваемому постановлению, просто не было.

Правда, некоторая переписка все-таки имела место. На имя Г. М. Маленкова весной 1949 г. поступила записка от секретаря Совета по делам колхозов при Правительстве СССР Г. Голубева и члена президиума указанной организации Т. Соколова о неудовлетворительном состоянии дел с внедрением опыта передовиков сельского хозяйства в колхозах и МТС [13, л. 49–58]. Обратим внимание на то, что здесь идет речь о внедрении опыта передовиков сельского хозяйства, а не научных достижений. Несколько позднее, осенью 1949 г., указанные авторы уже в новой записке на ту же тему, озаглавленной «О состоянии дела пропаганды и распространения передового опыта в сельском хозяйстве» и адресованной на этот раз А. А. Андрееву, заместителю председателя Совета министров СССР, еще более конкретизируют свою позицию по данному вопросу, выражая сожаление по поводу того, что в 1948 г. научными учреждениями из 2105 разрабатываемых тем только 183 были посвящены обобщению передового опыта сельскохозяйственного производства [13, л. 60]. Знаменательно, что в письме Г. М. Маленкову по поводу указанной записки А. А. Андреев отметил: «Мне кажется, это дело очень важное» [13, л. 59]. Подчеркнем, что важным делом, по мнению А. А. Андреева, являлось внедрение опыта передовиков сельскохозяйственного производства. В апреле 1950 г. о необходимости развития пропаганды передового опыта в сельском хозяйстве писал Г. М. Маленкову агроном Г. М. Шалль [13, л. 69–85]. Но постановление ЦК ВКП(б), принятое 19 июня 1950 г., получило наименование «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве». Таким образом, инициатива производственников была использована группой Т. Д. Лысенко в своих интересах.

Именно с этого времени деятельность в области формирования системы внедрения достижений науки в производство стала носить постоянный характер, хотя и сопровождалась многими ошибками. Но то, что принятие данного постановления преследовало и иные, корыстные и субъективные, цели привело к тому, что выполнение данного постановления приобрело характер кампании. Но тем самым авторы достигли своих целей, выражаясь языком современных политтехнологий, блестяще проведя операцию «подмена», переключив внимание с собственно научных проблем на проблемы организации внедренческой деятельности.

Однако в 1952 г. в среде ученых вновь поднимается вопрос о научной состоятельности Т. Д. Лысенко. Академик В. Н. Сукачев направляет в ЦК ВКП(б) записку о недостатках в теоретических работах

Т. Д. Лысенко и (это главное. — А. Р.) системе его практической деятельности [11]. Но в данной записке В. Н. Сукачев касался лишь проблем, связанных с выполнением так называемого «сталинского плана преобразования природы». Более острой и развернутой критике Лысенко был подвергнут в обширном письме И. В. Сталину, автором которого являлась биолог Н. А. Тимофеева-Сахарова [11, л. 8–43]. Лысенко был назван в письме «Аракчеевым» нашего времени, а созданная им система «аракчеевщины» сравнивается автором с «бурным, неудержимым, огромной силы наводнением», которое, ломая и извращая, сметает все на своем пути. В письме дается нелестная характеристика Лысенко как ученого. В частности, автор пишет, что «его рассуждения безграмотны, никакой ясности в понимании и, конечно, никакой науки», «Лысенко не поднимает, а снижает теоретический уровень знания у человека, потому что у него нет больших знаний и глубокого понимания». «Теоретические» построения Лысенко характеризуются как возвращение к «древней схоластике»: «Лысенко живет чужими трудами и обманом. Извлекает старые отжившие века, истлевшие метафорические и метафизические теории и из них переделывает «новые» и крепко пришивает к нашей эпохе, как абсолютную истину...», — пишет Тимофеева-Сахарова. В данном письме Лысенко обвиняется и в научной недобросовестности. Автор подчеркивает, что «Лысенко пишет не то, что делает», что он «давно перешел границы гражданина-человека и уточненно обманывает всех». Завершая свое письмо к Сталину, Н. А. Тимофеева-Сахарова резюмирует: «Лысенко дискредитирует советскую науку, ее высший теоретический уровень и всех нас».

Критика Т. Д. Лысенко в научной среде не являлась чем-либо необычным, даже после августа 1948 г. Однако в мае 1952 г. с письмом к Сталину о неудовлетворительной ситуации в Всесоюзном селекционно-генетическом институте и Всесоюзном научно-исследовательском институте гибридизации и акклиматизации животных «Аскания Нова» обратились руководители Украины секретарь ЦК КП(б) Украины Л. Мельников и председатель Совета министров Д. Коротченко. Они писали о том, что «эти учреждения живут старым, главным образом, довоенным научным багажом и в настоящее время они слабо отвечают на новые повышенные требования, предъявляемые к ним жизнью, сельскохозяйственной наукой и тем более сельскохозяйственной практикой. Они топчутся на месте, не развернули научно-исследовательской работы в таких масштабах, как это требуется сегодня, и не всегда их работа плодотворна» [14, л. 9]. По сути дела, критика была направлена в адрес Т. Д. Лысенко, поскольку оба указанных научных учреждения входили в систему ВАСХНИЛ, а Лысенко являлся ее президентом.

Особое место в письме руководителей УССР уделяется Всесоюзному селекционно-генетическому институту, который являлся своеобразной «вотчиной» Лысенко: до войны он там работал, был директором института, к тому же институт и носил имя Лысенко. До советского лидера доводится, по сути дела, скандальная информация с кадровой ситуацией в институте: при активном пособничестве Лысенко директором института с 1941 г. являлся некто А. Д. Родионов, не имеющий даже среднего образования и проявивший «невежество и безграмотность в специальных вопросах» [14, л. 12]. Руководители этого института ниже рангом тоже были достойны своего директора: ученый секретарь окончил толь-

ко первый курс института внешней торговли и был принят в институт по рекомендации вице-президента ВАСХНИЛ М. А. Ольшанского, отдел селекции возглавлял сотрудник со строительным средне-специальным образованием, биохимической лабораторией руководила фармацевт, музей возглавлялся артистом, среди научных сотрудников были художники [14, л. 13]. В адрес Лысенко как президента ВАСХНИЛ прозвучало, что он «мало проявляет интереса к исследованию вопросов, если они не являются его инициативой» [14, л. 11].

Вероятно, критическая корреспонденция лидеру страны привела к тому, что летом 1952 г. И. В. Сталин поручает Г. М. Маленкову ликвидировать монополию Т. Д. Лысенко в биологической науке, создать коллегиальный президиум ВАСХНИЛ, ввести в состав президиума противников Лысенко, создать комиссию ЦК по подготовке предложений об изменении ситуации в аграрной науке [1, с. 260]. Комиссия была создана, однако поскольку в нее распоряжением Г. М. Маленкова также был включен сам Т. Д. Лысенко вместе со своими тайными и явными сторонниками, то и деятельность комиссии оказалась практически безрезультатной. К середине августа 1952 г. Комиссией был подготовлен проект постановления ЦК партии о работе ВАСХНИЛ. Содержание проекта постановления весьма любопытно. В нем, в частности, говорилось о том, что необходимо «обеспечить ликвидацию отставания в сельскохозяйственной науке от запросов производства и усиление научных исследований по всем отраслям сельскохозяйственной науки» [14, л. 5]. Что касалось ситуации с научными кадрами в ВАСХНИЛ, то ставилась задача «принять меры к укреплению академии и подведомственных ей институтов высококвалифицированными кадрами, способными развивать биологическую и сельскохозяйственную науку и успешно решать вопросы, выдвигаемые сельскохозяйственной практикой» [14, л. 5]. Забегая вперед, подчеркнем, что этот проект постановления ЦК КПСС о работе ВАСХНИЛ так и остался проектом. Для нас важным является то, что содержание этого документа противоречит всему содержанию августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой подчеркивалось, что центр мировой биологической науки и лучшие кадры биологов сосредоточены в нашей стране.

В 1953 г. началась эпоха Н. С. Хрущева. Новый лидер страны и Т. Д. Лысенко были во многом похожи: авантюризм, непрофессионализм, увлеченность масштабными проектами характерны были для обоих. И это обусловило восстановление поколебавшегося было положения Лысенко.

Приведенный материал позволяет ответить на вопрос, кто он, академик Т. Д. Лысенко: «фанатик-аскет» [15, с. 399], с ошибками и перегибами, но искренне стремящийся повысить уровень научного обеспечения сельскохозяйственного производства

в СССР, или карьерист и честолюбец, вынесенный на вершину властной научной пирамиды сложными, противоречивыми и динамичными процессами аграрно-научного строительства в послереволюционную эпоху? Содержание данной статьи свидетельствует в пользу второго варианта.

Библиографический список

1. Жданов, Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца / Ю. А. Жданов. — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 442 с.
2. Любищев, А. А. В защиту науки: Статьи и письма / А. А. Любищев. — Л.: Наука, 1991. — 295 с.
3. Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. / Л. Р. Грэхэм. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с.
4. Вавилов, Н. И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки / Н. И. Вавилов. — М.: Советская Россия, 1990. — 345 с.
5. Вавилов, Н. И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления / Н. И. Вавилов. — М.: Агропромиздат, 1987. — 384 с.
6. Сборник научных работ, посвященных 170-летию Сибирской аграрной науки. В 2 т. Т. 1. — Омск: Фрактал, 1998. — 168 с.
7. XX век. Исторический опыт аграрного освоения Сибири: материалы республиканской научной конференции / Под ред. В. В. Гришаева. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1993. — 411 с.
8. Лысенко, Т. Д. Культура озимых в степи Сибири / Т. Д. Лысенко. — М.: ОГИЗ-СельхозГИЗ, 1945. — 92 с.
9. Жуков, Ю. Н. Сталин: тайны власти / Ю. Н. Жуков. — М.: Вагриус. — 720 с.
10. О положении в биологической науке: стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина 31 мая — 7 августа 1948 г. — М.: ОГИЗ-СельхозГИЗ, 1948. — 536 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 451.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание восьмое. В 15 т. Т. 6. — М.: Политиздат, 1971. — С. 218—232.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 115.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 446.
15. Орловский, Н. В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого) / Н. В. Орловский. — Новосибирск: РАСХН, Сиб. отд., 1999. — 440 с.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: koi-omgtu@bk.ru

Статья поступила в редакцию. 18.03.2013 г.

© А. В. Рычков

ИСТОРИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВОЛОНТАРИЗМА ХРУЩЁВСКОЙ ЭПОХИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

В статье рассматриваются основные волонтаристские идеи, их содержание в рамках аграрной политики 1953–1964 гг., реальное воплощение волевых целей и задач в сельском хозяйстве через призму позиционирования к ним сельских тружеников и региональной управленческой элиты. Дается оценка хозяйственного волонтаризма хрущёвской эпохи в пределах взаимодействия теории и практики, воли и объективных условий.

Ключевые слова: волонтаризм, аграрная политика, позиционирование, командно-административная система.

Одной из особенностей аграрной политики Н. С. Хрущёва является волонтаристский характер управления, стремление за обозримо короткие сроки вывести сельское хозяйство на уровень развитых капиталистических стран. По лаконичному замечанию свидетеля эпохи А. А. Мороз: «В этот период сельское хозяйство потрясли бесчисленные фантастические преобразования... Руководители и специалисты органов управления на местах были невольными проводниками, исполнителями этой политики и жертвами системы. Делалось в огромной стране все сразу и повсеместно без учета особенностей условий» [1, с. 60].

Волонтаризм (лат. *Voluntas* — воля) — направление в философии, признающее волю первоосновой всего сущего [2, с. 56]. Для хрущёвского периода управления характерен термин *экономический волонтаризм* — постановка произвольных целей в хозяйственной практике, пренебрегающих объективными условиями и научно обоснованными рекомендациями.

Раскрывая содержание волонтаристских решений в управленческой практике в исследуемый период мы проследим их направления и реальное воплощение (или невоплощение) через позиционирование сельских слоев населения и региональной управленческой элиты к государственным сверхзадачам. Такая потребность возникает ввиду того, что в отечественной историографии история периода основывается на представлении «оттепели» либо как регресса сталинизма, либо демократизации и либерализации командно-административной системы [3, с. 317–327]. За пределами внимания историков остаются природа и характер взаимодействия теории и практики, воли и объективных условий. Критика волонтаризма (не подвергая ее как таковую сомнению) начиная с 1964 г. не дала возможности позитивного теоретического осмысления советской модели индустриального развития как уникального явления.

Поскольку СССР, по сути, являлся централизованным государством, и решения, принятые центральным правительством, обладали силой действия для всех территорий, поэтому уместно содержательную часть извлекать как из центральных документов, так и из местных [4, с. 197].

Пленумы ЦК КПСС ставили перед обществом вполне конкретные задачи, выполнение которых носило, на первый взгляд, обязательный характер: и с точки зрения запланированных сроков, и с учетом сложившейся командно-административной системы, а также категоричности ставившихся задач, выражающихся в терминах — Пленум требует, обязывает, партийные организации должны, обеспечить выполнение и перевыполнение плана и т.д.

Цели, сверхзадачи, как элементы аграрной политики, воспринимались восторженно и положительно большинством населения страны, в том числе и сельским населением. Обратимся к сослагательному наклонению: если эти задачи были бы осуществлены — их практическая значимость не вызвала отторжения в их теоретическом содержании. Другое дело, каковы их объективные природные, экономические и социальные условия воплощения.

В рамках аграрной политики 1953–1964 гг. перечислим основные волонтаристские идеи, которые сельскому населению и управленческой элите приходилось воплощать в жизнь.

1. Агитационно-пропагандистские, политико-воспитательные, партийно-политические:

— требование «от всех партийных организаций значительного улучшения дела партийной пропаганды и политико-воспитательной работы в массах. Необходимо, чтобы все коммунисты настойчиво овладевали существом всепобеждающего учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, понимали творческий характер марксизма-ленинизма. Агитационно-пропагандистская работа партийных организаций должна быть направлена на воспитание коммунистов и всех трудящихся в духе уверенности в непобедимости великого дела коммунизма...» [5, л. 9].

— «Необходимо широко развернуть социалистическое соревнование за решение задач, поставленных партий и правительством по дальнейшему развитию всех отраслей социалистического сельского хозяйства» [6, л. 46].

2. Кадровые. В исследуемый период начиная с 1953 г. предполагалось коренным образом и в короткие сроки улучшить руководство всеми типами хозяйств, обеспечить сельское хозяйство инженерно-техническими, агрозооветеринарными, руково-

дядцами кадрами и другими специалистами, компетентными в сельскохозяйственном производстве [5, л. 7]. Предполагалось, что подбор будет осуществляться исключительно только по политическим и деловым качествам, со средним и высшим сельскохозяйственным образованием [6, л. 41, 42].

3. Обеспечение самокритики и критики снизу. «Обеспечить всемерное развертывание самокритики, и особенно критики снизу, со стороны масс, с тем чтобы своевременно вскрывать недостатки и болезненные явления в работе, вовлекать трудящихся в активную борьбу с ними» [5, л. 7].

4. Организационно-хозяйственные: планирование завышенных обязательств, сверхзадач: (успешное проведение в короткие сроки заготовки кормов для общественного животноводства, полное сохранение животных и молодняка, своевременная обработка, посев и сбор без потерь урожая, выполнение планов и обязательств хлебозаготовок, своевременный ремонт и рациональное использование техники на полях), создание опытно-показательных хозяйств, реорганизация колхозной системы производства в совхозную [5, л. 26, 28, 31]. Так, секретарь Омского обкома КПСС Г. Д. Щелоков, говоря об обязательствах сельского хозяйства области на 1961 г., объявлял: «В прошлом году мы заложили кормов всего 1 млн 700 тыс. тонн, а нынче нужно 6 млн 600 тыс. тонн, в четыре с лишним раза нужно увеличить сочные корма» [7, л. 113].

5. Сохранение общественного сельскохозяйственного достояния.

— «Обязать областное управление сельского хозяйства и заготовок, райкомы партии и райисполкомы обеспечить систематический контроль за ... соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, не допускать фактов разбазаривания общественных земель и колхозного добра, принимать меры к устранению бесхозяйственного ведения дел в колхозах, добиться улучшения организации труда и повышения трудовой дисциплины в них» [6, л. 45].

Воплощение волевых целей и задач, поставленных перед сельскими тружениками и региональной управленческой элитой требовали четкой внешней или скрытой позиции, человеческих и технических усилий. Они не отвергались открыто, более того — открыто приветствовались, вместе с тем их реальное воплощение корректировалось на местах, сверхзадачи преодолевались, решались уже с учетом объективных обстоятельств.

1. Творческий характер применения марксизма-ленинизма носил противоречивый характер. С одной стороны, рекомендации творческого отношения к учению оставались на бумаге по ряду причин — малограмотность населения, уничтоженная репрессиями, опекой партийного аппарата инициатива обыкновенного человека, потребительское отношение государства к личной собственности крестьянина, отсутствие квалифицированных кадров в деревне на всем протяжении хрущёвской эпохи, связанной, прежде всего, с текучкой кадров, а не с их тотальным отсутствием.

С другой стороны, часть руководителей колхозов и совхозов на местах, делая своими советчиками в руководстве хозяйством совесть и здравый смысл, умение решать дела с учетом конкретной обстановки, понимали необходимость сохранения личного крестьянского хозяйства, которое делает крестьянина «оседлым», более трудолюбивым в общественном хозяйстве. Такая позиция не одобрялась, председатели колхозов и совхозов получали выговоры, но

это не мешало им относиться к решениям ЦК КПСС целесообразно: сохранение паров, травопольного земледелия, ограничение посевов кукурузы, выдача крестьянам кормов для личного хозяйства из колхозных и совхозных запасов, строительство домов и построек для скота, перераспределение части урожая, обрабатываемой колхозной культурой (к примеру, свеклы,) в пользу крестьянина, отказ от помощи горожан в уборке урожая и т.п. [8, с. 9 — 51].

— Демократизация общественной жизни в исследуемый период предполагала пробудить и задействовать инициативу различных слоев общества, в том числе сельских тружеников. **Социалистическое соревнование** включало в себя движение энтузиастов от коллективного (бригад, звеньев) и индивидуального имени: движение за звания бригады коммунистического труда, бригады высокой культуры земледелия, за звание ударника коммунистического труда. Общественная активность инициировалась «сверху» местной политической элитой, а затем прессой. Так, председатель Омского обкома союза работников сельского хозяйства (Зиновенко) 6 апреля 1960 г. на областном съезде кукурузоводов колхозов и совхозов утверждал: «Декабрьский Пленум ЦК КПСС начертал для работников сельского хозяйства программу по созданию избытка продуктов сельского хозяйства... Обком союза и областное управление сельского хозяйства в этом году организует областное социалистическое соревнование коллективов совхозов и механизированных звеньев колхозов и совхозов за получение высоких урожаев кукурузы. В условиях областного социалистического соревнования будет считаться победителем тот совхоз, который получит не менее 400 ц с га с початком молочно-восковой спелости и то звено, которое получит урожай не менее 600 ц с га... Не поймите меня, что я говорю о каком-то обязательном включении в это соревнование. Соревнование должно быть организовано добровольно. Массовое движение за создание бригад коммунистического труда вполне реальное дело и все присутствующие здесь должны явиться организаторами этого движения в колхозах и совхозах» [7, л. 131 — 134].

Перевыполнение нормативных заданий в ходе соревнования отдельными бригадами и звеньями не являлось самоцелью, этот положительный сам по себе результат предполагалось закрепить и в отстающих бригадах, тем самым превратить достижения в норму [9, с. 203]. Распространение передового опыта зачастую носило характер помощи отстающим в соревновании. В итоге передовики сдерживали свои результаты, помогая отстающим, а отстающие надеясь на помощь, снижали результаты. Так, например, члены колхоза им. Калинина Куйбышевского района Новосибирской области, соревнуясь на протяжении двух лет с колхозом им. Ленина этого же района, пришли к выводу, что на начало соревнования их результаты были примерно одинаковые по производству животноводческой продукции, а на второй год колхоз им. Ленина начинает значительно отставать. В 1959 г. надой молока на одну фуражную корову составляли соответственно: колхоз им. Калинина — 1919 кг, колхоз им. Ленина — 1832 кг, а в 1960 г. соответственно: 2235 кг и 1727 кг. Чтобы соревнование оживить и достичь цели: продвинуть вперед по показателям отстающих, колхоз им. Калинина организует помощь: «В ближайшее время направим к вам делегацию, в которую войдут передовики животноводства, руководители бригад и колхоза. Они поделятся своим опытом, изучат поло-

Таблица 1
Обеспечение специалистами сельского хозяйства Западной Сибири
с 1957 по 1964 гг. [12, с. 355]

Наличие специалистов	на 01.12.1957 г.	на 01.04.1959 г.	на 01.12.1961 г.	на 1.05.1965 г.
Приходится специалистов в среднем на один колхоз.	1,6	3,0	3,4	4,0
Приходится колхозов на одного инженерно-технического работника.	22,4	3,9	2,1	1,7
Удельный вес инженеров и техников в общем числе специалистов (%).	2,7	8,5	13,7	15,1

жение на ваших фермах и не уедут до тех пор, пока вместе с вами не добьются хотя бы небольшого прироста продуктивности животных» [10, с. 1].

Соревнование равных и помощь отстающим не всегда замыкались на двух бригадах, цепочка взаимодействий была и более сложной. Так, на Алтае в 1958 г. тракторная бригада Г. Буханько Землянухинской МТС Поспелихинского района выступила с почином начать соревнование за высокую культуру земледелия, она славилась высокими урожаями благодаря четкой организации работы людей, техники, проведению полевых работ по снегозадержанию. В соревнование включилась бригада А. Беккера колхоза «Страна Советов» Рубцовского района Алтайского края. В бригаде Беккера засеивали только калиброванное зерно и получали высокие урожаи — среднегодовое производство зерна в 1958–1961 гг. увеличилось вдвое по сравнению с 1953 г. Добившись высоких результатов, бригада А. Беккера в 1961 г. выступила с почином начать движение за коммунистическое содружество соседних хозяйств, оказав помощь соседней бригаде А. Бучнева из колхоза с. Вишневка — на поле подшефных в 350 га вырастили урожай пшеницы в 15 ц, в 1,5 раза больше, чем у них было в прошлом году, а также отдали под урожай 1962 г. 1788 ц калиброванных семян. В следующем году бригада А. Беккера взяла шефство над группой отстающим колхозом [11, с. 151, 155].

Организованные соревнования за повышение культуры земледелия, с одной стороны, приводили к частичному формированию и распространению хозяйственного подхода в сельской экономике: эффективное использование плодородных почв, применение агротехники (снегозадержание, предварительная подготовка семян к посеву), организация согласованной деятельности работников в бригаде, двухсменное использование техники, [11, с. 151], а с другой — формировало условия для сокращения урожайности зерновых в обозримом будущем: сведение на нет паров в некоторых областях Западной Сибири: например, в Алтайском крае в 1957 г. чистых паров осталось менее 1 % [12, с. 264].

Рекорды и положительные результаты, достигнутые в социалистических соревнованиях, не превратились в норму для каждого хозяйства. Но участие в них позволяло нивелировать в целом хозяйственные результаты районов в сторону повышения объемов производства сельскохозяйственной продукции.

2. Кадровая политика активизировалась с 1953 г. и сохраняла актуальность на протяжении исследуемого периода, имела цель обеспечить МТС, колхозы и совхозы квалифицированными специалистами. Эта задача решалась путем подготовки сельскохозяйственных кадров в средних и высших учебных заведениях, через систему курсов, семинаров.

С 1954 по 1958 гг. в целом по Сибири удвоился выпуск специалистов в девяти сельскохозяйственных институтах и 69 техникумах, 115 училищах механизации сельского хозяйства, работники колхозов, совхозов и МТС повышали квалификацию на трехлетних агрозоотехнических курсах без отрыва от производства, подготовкой механизаторов занимались организованные 2 — 4-месячные курсы при МТС, колхозах и совхозах [12, с. 250–251]. Только в Западной Сибири к 1958 г. насчитывалось 58 училищ механизации сельского хозяйства, с 1954 по 1959 гг. они выпустили 140 тыс. молодых специалистов [11, с. 161].

В начальный период освоения целинных земель временную помощь в увеличении специалистов в Сибири сыграла отправка механизаторов МТС из районов РСФСР (Кубани, Московской, Ростовской и других областей). В качестве новоселов на целинные земли Западной Сибири в 1954 г. прибыло 10 409 механизаторов [11, с. 160].

Частично в первой половине 50-х гг. кадровый дефицит преодолевался путем единовременных отправок в село тружеников городских профессий и тех, кто когда-то работал на селе. Так, выполняя постановление сентябрьского 1953 г. Пленума ЦК КПСС Омская городская партийная организация направила на работу в сельское хозяйство более 400 специалистов [13, Л. 8,9.].

Несмотря на принятые меры в короткие сроки укомплектовать сельское хозяйство необходимым количеством специалистов не удалось (табл. 1).

Мы видим неуклонный рост кадров и специалистов, но сельское хозяйство по-прежнему испытывало дефицит в них. Вместе с тем ускоренная подготовка механизаторских кадров способствовала появлению возможности в передовых хозяйствах организации работы машинно-тракторного парка в две смены, а в целом кадровая политика способствовала формированию устойчивой тенденции в обеспечении сельского хозяйства кадрами специалистов к концу исследуемого периода [11, с. 158].

— Ответственность за решение сельскохозяйственных задач возлагалась на партийные и хозяйственные руководящие органы: райкомы, райисполкомы и его сельхозотделы, облисполкомы и т.д. Руководители названных организаций подвергались критике «сверху» и «снизу». **Подбор руководящих кадров**, усовершенствование организации работы и руководства колхозами, совхозами и МТС в 50–60-е гг. XX в. становится одной из важных задач аграрной политики. Центральное руководство полагало, что недостатками в деятельности руководящей элиты всех уровней являются: расхождение между словом и делом, бюрократизм, безответственность. XX съезд охарактеризовал руководителей с назван-

ными недостатками в работе как «занятых бездельников» [9, с. 200], их деятельность суетлива и нерезультативна [14, с. 105]. Председатели колхозов свои неудачи в практических делах также списывали на низкий уровень руководства областных партийных и хозяйственных органов управления сельским хозяйством, делая вывод: в районе есть все условия выполнения государственных задач, но причина отставания по хлебозаготовкам в неправильном руководстве областными организациями [13, л. 21–22, 24–25]. С правильным руководством региональная управленческая элита связывала надежды на исчезновение отстающих колхозов, а значит, и своевременного, в короткие сроки решения государственных задач [13, л. 131, 150].

Осознание недостатков в руководстве не привело к их исчезновению. Сложилась практика кадровых перестановок местной элиты власти, когда партийные и хозяйственные работники не задерживались на одном месте более двух лет [15, с. 4–5]. Попытка центральных властей избавиться от местнических проявлений механическими перестановками приводила к текучести кадров и к слабой организации управления хозяйствами. Наоборот, пока имели место поиски действенного механизма хозяйственного управления, сохранялся принцип личной ответственности (опора на профессиональные, человеческие качества), личность превратилась в инструмент решения сиюминутных хозяйственных задач в рамках самоорганизации непосредственных тружеников. Так, секретарь Шербакульского района Омской области К. В. Брысов, сравнивая экономические показатели двух колхозов за 1953 г., функционирующих в одинаковых почвенных и климатических условиях, граничащих друг с другом, констатирует их противоположные результаты. Коллективное хозяйство «Труд Ленина» передовой, годовой доход составил 1 миллион 300 тыс. руб., а колхоз им. Ленина отставший, с доходом в 500 тыс. руб., в 2,5 раза меньше. Успехи передового хозяйства партийный руководитель связывает с деятельностью председателя колхоза, который работает беспрерывно 17 лет, колхоз при постоянном руководителе может строить далеко идущие планы, иметь перспективу развития. В соседнем колхозе за последние 3 года сменилось 4 председателя, что сказало на неэффективной деятельности хозяйства. В целом в районе за предшествующие 2,5 года только в 3-х колхозах из 24-х не поменяли председателей, а в остальных каждый год назначался новый [13, л. 37–38].

3. Демократизация преобразований в деревне в исследуемый период предполагала создание условий для включенности в хозяйственный процесс непосредственных тружеников, как субъектов хозяйственного процесса. Одним из идеологических способов вовлечения крестьян в процесс управления общественным хозяйством являлась иницируемая сверху **критика** деятельности как самих работающих в сельском хозяйстве, так и руководящих работников. **Самокритика** доходила до самобичевания: когда секретарь Омского обкома КПСС перечислял недостатки работы ведомства, называя свою фамилию. Самокритика и критика снизу сами по себе в постсталинский период являлись завоеванием демократии. В контексте исторических событий они должны были позволить региональным управленцам быстро реагировать на критические замечания, письма и заявления трудящихся, для достижения, по крайней мере, трех целей — чтобы сформировать

чувство доверия народа к государственной власти, быстро решать государственные задачи [6, л. 53, 55], а также пробуждать творческую активность и инициативу сельских тружеников [10, с. 1].

Так, в начале 1954 г. в Омской области были подвергнуты критике на конференциях, наказаны и строго предупреждены 7 секретарей райкомов, сняты с должностей 2 председателя райисполкомов, секретарь обкома получил выговор [6, л. 52].

Вместе с тем критика и самокритика управленческой элиты, в особенности политической, реально приводили к перестановке кадров, несмотря на недостатки, они оставались ценными работниками и, получив новую должность, вновь обязаны были решать те же задачи, что и раньше. В отношении хозяйственной элиты и нерадивых работников они практически не приводили к заметному изменению в делах. Мнение, принципиальная позиция отдельного человека не воспринимались, если они не были направлены на безусловное решение поставленных сверхзадач. Вместе с тем именно благодаря критическому подходу в анализе хозяйственной деятельности констатировались недостатки и прогнозировались возможные пути их преодоления.

4. Завышение плановых заданий, постановка сверхзадач прослеживается практически в каждом организационно-хозяйственном мероприятии, названном выше.

— **Государственные планы хлебозаготовок и продуктов животноводства** в регионах приобретали свое конкретное выражение в принимаемых колхозами и совхозами обязательствах, утверждаемых региональной властью в виде завышенных планов. На протяжении исследуемого периода взятые обязательства выполнялись и перевыполнялись в виде исключения отдельными бригадами, достижения которых сглаживали средний общий показатель.

В качестве примера приведем запланированные задачи удвоения производства зерна и продуктов животноводства по Омской области и их воплощение в последующие годы. Так, опираясь на директивы январского Пленума ЦК КПСС (1955 г.), Омский обком КПСС, облисполком посчитали возможным, опираясь на предложения директоров колхозов и совхозов, довести удвоение объемов производства зерна в них по годам в сравнении с 1954 г. (табл. 2).

Таблица наглядно демонстрирует, что удвоение производства зерна больше чем половиной сельскохозяйственных предприятий должно быть достигнуто в 1956 г. [16, л. 6–20]. Что касается животноводства, то в 1954 г. по Омской области насчитывалось крупного рогатого скота 170,9 тыс. голов, предполагалось к 1960 г. увеличить поголовье до 295,8 тыс. [16, л. 64].

Реальное воплощение завышенных планов осуществлялось с поправкой на погодные условия, технические возможности, качество семян, наличие кормовой базы, добросовестности работников и т.д. — то есть на объективные и субъективные обстоятельства, которые корректировали принятые волевые решения. В итоге в 1956 г. посев зерновых культур был выполнен на 106 % (потери при уборке не подсчитывались), план по внесению органических удобрений (навоза) на 71 %, минеральных в среднем на 40 % (т.к. их поступление растягивалось на 4 квартала, а в третьем и четвертом кварталах они уже не могли быть использованы), нехватка техники привела к затягиванию процесса уборки и осыпания зерна, план сдачи молока государству был выполнен на 80 %, сдача мяса государству — на 88 %,

Таблица 2

**Обязательства, принятые в 1955 г.,
по удвоению производства зерна к 1960 г.
колхозами и совхозами Омской области
в сравнении с 1954 г. [16, л. 5]**

Годы	Из 696 колхозов	удвоят	Из 76 совхозов	удвоят
1955 г.	-\\-	345	-\\-	38
1956 г.	-\\-	421	-\\-	48
1957 г.	-\\-	534	-\\-	51
1958 г.	-\\-	579	-\\-	52
1959 г.	-\\-	595	-\\-	52
1960 г.	-\\-	607	-\\-	55

из-за отсутствия в достаточном количестве кормов было сокращено поголовье коров [17, л. 32–38].

Предшествующие плановые задания не были выполнены, но уже в сводном плане развития сельского хозяйства по совхозам и колхозам Омской области на 1958–1960 гг. удой молока на одну фуражную корову предполагалось вновь увеличить, в сравнении с 1954-м от 2500 до 2900 кг, т.е. на 28 % [18, л. 4,21]. Реальный же результат надоев на одну фуражную корову составил в 1959 г. в среднем в передовом колхозе Омской области (Горьковский район) 1270 л, а на 1960 г. брали вновь завышенные обязательства надоить на фуражную корову уже 2350 л [19, л. 4].

— Создание **опытно-показательных** хозяйств осуществлялось путем присвоения им такого статуса областными органами власти. Большая часть хозяйств была отстающей, в их обязанность входила задача в короткие сроки при равных условиях развития показать лучшие результаты и перенести положительный опыт в другие хозяйства области, чтобы добиться подъема производительности в сельскохозяйственном производстве района. Причем немедленно — означало за 2–3 дня навести порядок в хозяйствах (из доклада зам. председателя облисполкома) [20, л. 1–2, 39–40, 115, 124].

Опытно-показательные хозяйства в Омской области были сформированы весной 1961 г. (всего 34). Их деятельность заключалась в проведении семинаров с механизаторами по квадратно-гнездовому посеву кукурузы и сахарной свеклы непосредственно в полевых условиях, со специалистами хозяйств по организации летних лагерей и подсосного выращивания телят в летний период; они внедряли механизацию по уборке урожая (изготавливая собственные образцы), занимались изучением сортов зерновых и т.п. Вместе с тем доильные аппараты оставались довоенного образца либо собственного изготовления, на хозяйство приходился из специалистов либо агроном, либо зоотехник. Руководители опытно-показательных хозяйств позиционировали себя отстающими, не готовыми брать ответственность по выполнению поставленных перед ними задач [20, л. 29, 30].

Причиной несостоятельности опытно-показательных хозяйств являлись отсутствие надлежащей материально-технической базы и кадров с высшим и средне-техническим образованием (т.е. людей с государственным, масштабным мышлением, способных в рамках профессионализма и личной ответственности осуществлять соответствующее руководство), а также бюрократичностью в решении практических вопросов (создание новаторских идей

не являлись проблемой, проблемным было их внедрение в производство).

— Начавшийся в 1956–1957 гг. в массовом масштабе **процесс создания совхозов** на базе МТС, колхозов и на целинных землях остановился в 1962 г. и оказался незавершенным. В результате количество сельхозартелей в Сибири сократилось в 3,6 раза [12, с. 261]. Совхозная система потребовала дополнительных государственных ассигнований: строительство животноводческих помещений и жилого фонда, создание инфраструктуры, фонда заработной платы и др. Преобразование колхозов в совхозы наметило тенденцию электрификации (в 1959 г. она в основном завершилась), жилищно-бытового и культурного развития села [21, с. 125].

Невыполнение завышенных плановых заданий и обязательств, попытка ликвидировать за короткие сроки колхозный строй привело к постановке и сиюминутному разрешению социально-экономических проблем: состояние кормовой базы, строительство ферм, механизация сельскохозяйственных работ, взаимодействие колхозов и совхозов с личными хозяйствами крестьян, материальной заинтересованности тружеников села, социальному развитию сельской жизни и т.д., формируя не плановые, а популярные перспективы развития.

5. Сохранение общественного сельскохозяйственного имущества и средств являлась также невыполнимой задачей в исследуемый период. Не ставя задачу выяснения абсолютных количественных потерь, проследим направления издержек в сельскохозяйственном производстве. В документах эпохи неэкономное использование ресурсов, растраты, воровство, несоблюдение устава сельскохозяйственной артели, сопровождаются терминами — «разбазаривание», «покража», «растаскивание» общественного имущества. В разряд подобных категорий входили: перерасход денежных фондов, выразившийся в вывозке и доставке соломы с полей зимой, в неправильном начислении зарплаты, приеме сверх штата сотрудников, закупке у других районов и областей кормов для животных, в покупке недостающего количества животных у населения и др. [22, л. 2, 3, 12].

— Фактом присваивания из общественного фонда являлся самовольный вывоз сельскими тружениками соломы с колхозных полей, леса для нужд в личном хозяйстве. В случае если этот факт становился известным правлению колхоза, с работника вычитали количество украденной соломы в учет нынешнего или следующего года [23, л. 4]. Сено с полей присваивали не только работники, имеющие ЛПХ, но и соседние колхозы для нужд обществен-

ного хозяйства. Так, в решении правления колхоза им. Калинина Тюменской области было записано: «Самовольно привезенное сено поставить в счет и высчитать из причитающегося сена в 1963 г. Климов Михаил Ф. 2 ц, Климов Дмитрий Ф. 2 ц, Светлолобов Николай 2 ц. Акт на покражу сена к-зом Сибирь на 15 ц» [23, л. 5].

— Разбазариванием общественного имущества считался падеж животных: из-за плохого питания, болезней, т.е. по недосмотру. В качестве мер, которые принимало правление в этих случаях, были — списание, объявление выговоров, в редких случаях сумма ущерба расписывалась на тех, кто отнесся халатно к общественному имуществу [23, л. 6, 9, 10, 11].

Расхищалось и молоко во время перевозки, определения его жирности, в период выпойки молоком телят, при перегоне молока в сливки и сливок в масло. Молоко списывали «из-за пролития его ввиду бездорожья» и т.д. [24, л. 14].

Имущество сохранять не удавалось, а эффективных мер не принималось.

Названные направления волонтеристской политики в 50-е — первой половине 60-х гг. XX в. не были реализованы в полном объеме. Вместе с тем сверхзадачи, невыполнимые обязательства на некоторое время приводили в движение хозяйства, оживляли ситуацию, способствовали если не выполнению в целом повышенных планов и обязательств (маяки были), то, по крайней мере, выполнению их в возможных пределах — каждый год по сравнению с предшествующим характеризовался в целом по районам повышением объемов производства большинства видов продукции при напряжении человеческих усилий в демократических условиях (совершенствование, призывы, стимулирование, критика, помощь отстающим и т.п.).

Волонтеристский принцип управления позволял признать приоритетным теорию (завышенные цели, сверхзадачи, лозунги сами по себе не вызывали возражения), а их практическое воплощение зависело от объективных и субъективных обстоятельств. Перечисленные волевые решения на уровне государственной власти были откорректированы объективными и субъективными обстоятельствами на местах, взятые завышенные обязательства решались в рамочных условиях.

Библиографический список

1. Мороз, А. А. Прошлое остается людям: краткий хроникально-документальный очерк о развитии управления сельским хозяйством в Омском Прииртышье / А. А. Мороз. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2004. — 172 с.
2. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — М. : Изд-во политической литературы, 1980. — 444 с.
3. Советская историография / Н. В. Стариков [и др.] ; под ред. Ю. Н. Афанасьева. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. — 592 с.
4. Кравченко, А. И. Политология / А. И. Кравченко. — М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — 448 с.
5. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О. 1. Д. 6352. Протокол VI объединенного Пленума Омского областного и городского комитетов КПСС. 12 июля 1953 г. Л. 9.
6. ГИАОО «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О. 1. Д. 6590. Протокол I Пленума обкома КПСС. 1 февраля 1954 г.
7. ГИАОО «Государственный исторический архив Омской области» Ф. 1699. О. 1. Д. 2143. Стенограмма областного съезда кукурузоводов колхозов и совхозов Омской области. 6 апреля 1960 г.
8. Манякин, С. И. Сибирь далекая и близкая / С. И. Манякин. — М. : Фонд им. И. Д. Сытина, 2003. — 447 с.
9. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии / В. А. Козлов [и др.] ; под ред. В. А. Козлова. — М. : Мысль, 1989. — 302 с.
10. Огонь критики против недостатков // Советская Сибирь. — 1961. — № 27. — 01 февраля. — С. 1.
11. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917—1961 гг. / Р. С. Русаков [и др.] ; под ред. В. С. Флерова. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1965. — 158 с.
12. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму / А. П. Окладников [и др.] ; под ред. А. П. Окладникова. — Л. : Наука, 1969. — 465 с.
13. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 17. О.1. Д. 6358. Об итогах Пленума Центрального комитета партии и задачах областной партийной организации по дальнейшему развитию сельского хозяйства : стенограмма выступлений по докладу секретаря обкома КПСС тов. Лебедева И. К. 1953 г.
14. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. — Т. I. — М., 1956.
15. Руководители Омской области советской эпохи (1934—1991 гг.). Биографический справочник / Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» / Сост. Т. В. Каиндина. — Омск, 2011. — 120 с.
16. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 1088. О. 1. Д. 214. Мероприятия колхозов и совхозов Омской области по выполнению постановления январского Пленума ЦК КПСС (1955 г.) об увеличении производства продуктов животноводства.
17. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 2099. О. 1. Д. 448. Объяснительная записка к годовому отчету за 1956 г. Омского областного управления совхозов Министерства совхозов РСФСР.
18. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 2099. О. 1. Д. 519. Сводный план развития сельского хозяйства по совхозам и колхозам Омской области за 1958—1960 гг.
19. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 1699. О. 1. Д. 2146. Стенограмма областного совещания председателей. Секретарей партийных организаций и бухгалтеров колхозов Омской области. 20—23 июля 1960 г.
20. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области». Ф. 1699. О. 1. Д. 2851. Стенограмма совещаний руководителей и специалистов, опытно-показательных хозяйств по выполнению январского Пленума ЦК КПСС. 29 июня 1961 г.
21. Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни / В. П. Медников [и др.] ; Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1974. — 179 с.
22. ГИАОО. «Государственный исторический архив Омской области» Ф. 1699. О. 1. Д. 2145. Стенограмма областного совещания директоров совхозов от 11 июня 1960 г.
23. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 1125. О. 1. Д. 13. Протокол № 2 заседания членов правления к-за им. Калинина 29 апреля 1963 г.
24. ГУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 1125. О. 1. Д. 10. Протокол № 6 заседания членов правления к-за им. Калинина Бегишевского сельсовета 21 апреля 1959 г. Л. 14.

ФЁДОРОВА Марина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), научный сотрудник кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: fmi_2005@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2013 г.
© М. И. Фёдорова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГПУ—ОГПУ ОМСКА В ОТНОШЕНИИ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ БЕЛОЙ АРМИИ

Статья посвящена исследованию форм и методов деятельности органов ГПУ—ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии. На материалах разработок омских чекистов, выделены этапы репрессивной политики в отношении бывших белогвардейцев. Раскрывается значение Омска как центра репрессивной политики Советского государства.

Ключевые слова: органы безопасности (ОГПУ), Омск, репрессивная политика, белогвардейцы, офицеры, казаки.

14 ноября 1919 г. в Омск вошли части Красной армии — столица белой России пала. Историк советских органов безопасности А. Г. Тепляков справедливо отмечает, что после победы над А. В. Колчаком «богатая Сибирь воспринималась как завоеванная территория, население которой подлежало масштабной чистке» [1, с. 114]. Несмотря на наличие работ историков посвященных репрессивной политике Советского государства, деятельность органов ГПУ—ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих Белой армии до сих пор не являлась предметом специального исследования. Цель данной работы — восполнить этот пробел.

В Омске остались десятки тысяч военнослужащих колчаковской армии, сибирские казаки, принимавшие активное участие в вооруженной борьбе против большевиков. Известный партийный деятель А. Н. Дианов в своих воспоминаниях отразил обстановку в Омске 1920 г.: «Омск был переполнен бежавшими с запада и с востока буржуями, офицерством, населением окрестных казачьих станиц, настроенным монархически, враждебно к Советской власти» [2, л. 1]. Большевики всегда помнили значительную роль офицерских подпольных организаций в свержении Советской власти в Сибири в 1918 г. По их оценкам и после окончания Гражданской войны бывшие офицеры продолжали оставаться антисоветски настроенной силой, способной организовать и возглавить антикоммунистическую борьбу. В то же время офицеры в большинстве являлись квалифицированными специалистами, которые были крайне необходимы государственной власти для укрепления Красной армии и других государственных институтов. В 20-е годы эти противоречивые обстоятельства влияли на деятельность советских органов безопасности в отношении бывших белогвардейцев.

С первых дней восстановления Советской власти в Сибири бывшие военнослужащие колчаковской армии выявлялись, проверялись органами ВЧК—ГПУ—ОГПУ, и по ним индивидуально принималось решение. Особенно внимательным было отношение к сотрудникам белогвардейских спецслужб и офицерам. Отдельные, наиболее одиозные белогвардейцы, за антибольшевистскую деятельность расстреливались. Но большинство военнослужащих

белой армии отбывало небольшие сроки и ставилось на специальный учет. Доводя задачу по учету противников Советской власти до сотрудников на местах Омский губотдел ГПУ в 1922 г. разослал всем уездным уполномоченным распоряжение, в котором подчеркнул, что «одной из очередных задач по работе КРО является выявление и постановка негласного учета, поэтому необходимо наблюдение и учет наладить таким образом, чтобы каждое лицо, так или иначе совершившее преступление против Советской власти, принадлежащее к определенной категории, которая по существу своему никогда не примирится с существующим положением, все время находилось в нашем поле зрения. Каждое его передвижение должно быть известно нашим органам» [3, с. 293]. Учет бывших белогвардейцев и наблюдение за ними проводились различными методами: попавшие в плен белогвардейцы допрашивались на предмет установки личностей сослуживцев, они выявлялись путем изучения белых архивов, попавших в руки к чекистам, использовались показания антиколчаковски настроенных жителей Сибири. Чекистами вербовалась агентура из числа бывших белогвардейцев и лиц, общавшихся с ними. Это позволяло контролировать их образ мыслей и деятельность.

Исходя из масштаба и характера в деятельности в отношении бывших белогвардейцев органами ГПУ—ОГПУ в Омске четко просматриваются два этапа: репрессивная деятельность органов в годы Новой экономической политики (НЭП) и репрессии в годы коллективизации и индустриализации.

На первом этапе (в период НЭП) преобладают дела по обвинению граждан, бывших белогвардейцев, в контрреволюционной борьбе против Советской власти, которая выражалась в их участии в Гражданской войне на стороне белых и в совершении ими конкретных преступлений. В Сибири органы ГПУ—ОГПУ постоянно занимались выявлением и учетом бывших офицеров, розыском колчаковских контрразведчиков, старались собрать сведения о репрессиях белогвардейцев в отношении противников режима А. В. Колчака и мирного населения. Причем в этот период, как правило, следователи старались собрать убедительные доказательства преступлений (обычно это были показания свидетелей),

часто обвинения снимались за недоказанностью, несмотря на то что у чекистов имелись косвенные данные о совершенных преступлениях. Органами безопасности учитывалась профессиональная компетентность бывшего белогвардейца, его готовность сотрудничать с государством и возможная польза от такого сотрудничества.

Особенно интенсивно в 20-е гг. чекисты обрабатывали бывших сотрудников колчаковской контрразведки. В этой связи сотрудниками ОГПУ Томска в Омск был отправлен И. Н. Лихачёв, который весной 1923 г. явился к томским чекистам и сознался в том, что являлся бывшим агентом охраны и сотрудником колчаковской контрразведки. И. Н. Лихачёв в ходе следствия дал подробнейшие показания о структурах, методах и формах работы охранного отделения и контрразведки. Несмотря на то что у сотрудников ГПУ имелись письменные показания свидетелей, утверждавших, что И. Н. Лихачёв «принимал деятельное участие в порках и расстрелах рабочих», он был завербован органами ГПУ, освобожден и устроился на работу в областной военкомат. Сотрудники ГПУ выпустили своего агента, вынеся по делу следующее решение: «1923 2 июля нач. КРО ОМГОПУ, Тариков, рассмотрев дело 143 Лихачёв Иван Николаевич служил в охране в качестве осведомителя по принуждению и в контрразведке служил делопроизводителем и ничего особенного, кроме чисто технической работы, Лихачёвым не проявлено, и для придания Лихачёва суду не имеется достаточных материалов. ПОСТАНОВИЛ: Следствие по данному делу прекратить. Арестованного Лихачёва Ивана Николаевича из под стражи освободить за прекращением дела. Лихачёва как политически неблагонадежного взять под негласное наблюдение» [4, л. 54].

Несмотря на сотрудничество И. Н. Лихачёва с органами ОГПУ, в связи с его службой в контрразведке были получены указания из Новосибирска об его повторном аресте, и 31 мая 1926 г. он был арестован. Омские чекисты пытались спасти своего агента. В деле имеется характеристика о его сотрудничестве с органами ОГПУ, в ней говорится: «Лихачёв Иван Николаевич (кличка Рутенберг) был завербован в 1923 г. при его полном согласии и работал в качестве осведомителя с целью заслужить снисхождение Советской власти за его прежние поступки. К работе относился вполне добросовестно и аккуратно, был дисциплинирован, конспиративен и инициативен. Работал почти всю жизнь в охранных отделениях, знает великолепно структуру последних. Это все истрепало его до такой степени, что в данное время является полным инвалидом (смотря по заключению врачей), страдает неврастенией в резко выраженной форме и органическим поражением центральной нервной системы. Находился продолжительное время в психиатрической лечебнице и нуждается в стационарном лечении. Продолжал свою работу осведомителя вплоть до 1925 г., когда был отстранен по циркулярному распоряжению СО ОГПУ № 6331 от 30 октября 1925 г.» [4, л. 91 – 92]. По решению коллегии ОГПУ от 25 октября 1926 г., он 10 ноября 1926 г. был расстрелян. В 1993 г. И. Н. Лихачёв был реабилитирован.

Пример И. Н. Лихачёва показателен в отношении готовности органов безопасности использовать опыт противников большевиков в интересах обеспечения безопасности Советского государства. Он также свидетельствует об относительной мягкости правоохранительной системы первой половины 20-х гг. в условиях которой бывший колча-

ковский контрразведчик долгое время оставался на свободе.

Для работы ОГПУ в отношении бывших белогвардейцев в период НЭП, весьма характерно следственное дело бывшего штабс-капитана С. С. Солдатова. Он был арестован на основании материала, полученного сотрудником особого отдела 35-й дивизии от информатора, который ранее служил в белой армии и сообщал, что служивший вместе с ним штабс-капитан С. С. Солдатов расстреливал рабочих. В деле имеется письменное заявление бывшего добровольца белой армии Начинкина Михаила, который, по-видимому, и являлся информатором, давшим показания против С. С. Солдатова. Он утверждал, что в конце июня 1918 г. у станции Кемчук по приказу С. С. Солдатова был расстрелян 21 рабочий. По его словам: «Бойня была произведена по личному усмотрению капитана Солдатова и вызвала в полку возмущение своей жестокостью и беззаконностью» [5, л. 10]. Для установки личности С. С. Солдатова понадобились данные учета. В деле сохранилась справка о том, что «бывший белый офицер Солдатов Савва Савич на учете состоит и проживает в городе Омске» [5, л. 2].

С. С. Солдатов в 1918 г. командовал офицерским батальоном, участвовавшим в боях против Красной гвардии в Восточной Сибири, а затем занимавшийся подготовкой кадров для колчаковской армии в городе Томске. Несмотря на активное участие в белом движении, до ареста С. С. Солдатова, будучи ценным военным специалистом, преподавал военные дисциплины в военно-специальных учебных заведениях Омска: на артиллерийских курсах, в школе командного состава ЧОН (частей особого назначения), в Сибирской школе по подготовке сотрудников ТО ОГПУ (транспортных отделов ОГПУ).

На допросах в ОГПУ С. С. Солдатов признал свое участие в вооруженной борьбе против большевиков: «Я не отказываюсь, что действительно был в боях, но был не добровольно, а как мобилизованный. Агитацией я не занимался, но сознаюсь в том, что я не соглашался с идеологией большевиков и возможно, что я в частной беседе высказывал свои убеждения. Иначе я не мог, ибо служил в белой армии. Обвинение упирает на «стойкость моих убеждений». Я прежде всего был отличным офицером, т.е. тем офицером, который отлично знал военное искусство и был дисциплинированным и, следовательно, настойчивым. Если бы я был по убеждению стойким, то не сдался бы в плен Красной армии со своей женой и, наверное, в дальнейшем не служил бы в ней» [5, л. 79].

В деле С. С. Солдатова представляют интерес постановление помощника прокурора Омской губернии и судебный приговор. Обвиняя арестованного С. С. Солдатова, помощник прокурора указывал: «Солдатов, будучи на командной должности в армии Колчака, не раз высказывал свою стойкость и убежденность в свержении Советской власти, ставя себя примером другим, ведя антисоветскую агитацию среди своих подчиненных за активную борьбу с Советской властью. В деле имеются достаточные улики в совершении содеянного преступления. В отношении же предписанного обвинения Солдатову о расстреле 21 человека рабочих и крестьян, за отсутствием достаточных улик и невыяснения постоянного местожительства главного свидетеля Начинкина выделить и приостановить до выяснения местонахождения главного свидетеля» [5, л. 63]. Постановление помощника прокурора свидетельствует о том,

что в годы НЭП власть, проводила репрессивную политику в отношении бывших белогвардейцев (поэтому С. С. Солдатову были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности», но при этом власть стремилась действовать в рамках действующего законодательства (поэтому обвинения в расстреле рабочих как не доказанные были сняты).

Судебное решение по делу С. С. Солдатова, принимавшего активное участие в Гражданской войне на стороне белых, было типично для периода НЭП. Суд решил: «Подвергнуть лишению свободы со строгой изоляцией сроком на 5 лет, понизив в правах. Принимая во внимание прочность Советской власти в настоящее время, что совершить в дальнейшем подобные преступления подсудимому не представляется возможным, что подсудимый совершил подобные преступления, являясь лишь слепым орудием в руках буржуазии, что, вследствие своей политической неразвитости, он, сам того не зная, был использован для преступных целей, суд находит справедливым Солдатова наказанию в части лишения свободы не подвергать» [5, л. 107]. В 1991 г. С. С. Солдатов был реабилитирован.

Второй этап прослеживается с начала свертывания НЭП, коллективизации и индустриализации. В обществе стали расти антикоммунистические настроения, что привело к изменению характера дел в отношении белогвардейцев. Наряду с делами в отношении отдельных бывших белых военнослужащих, чекисты стали «разоблачать массовые белогвардейские антисоветские организации», которые «организовывались» ими самими при помощи оперативных комбинаций (создание легендированных организаций, использование осведомителей, склонявших граждан признать свою вину и т.п.). Зачастую для того, чтобы придать масштаб делу, чекисты связывали между собой организации, существовавшие в разных сибирских городах. По таким делам проходили сотни, а иногда и тысячи обвиняемых. Обвинения, основывались на признании подсудимых, к которым применялись меры психологического и физического воздействия для получения признательных показаний, которые в результате, как правило, успешно добывались.

После свертывания НЭП сотрудники ОГПУ продолжали проводить оперативные мероприятия и следственные действия в отношении граждан служивших в белой армии в случаях, если об их антисоветских высказываниях имелась оперативная информация. Так, в 1929–1930 гг. Омским ОГПУ расследовалось дело в отношении бывшего белого офицера В. Ф. Быковского, который в числе других офицеров в 1922 г. был в административном порядке выслан с территории Дальне-Восточной Республики (ДВР) в Омск, где около года отбыл заключение в концентрационном лагере, выпущен на свободу и был взят органами ОГПУ на учет как бывший белый офицер.

Имеющийся в уголовном деле меморандум КРО Омского окротодела ОГПУ раскрывает методы и формы работы органов ГПУ—ОГПУ в отношении бывших белогвардейцев, он позволяет понять значение учета для последующих репрессий. В документе говорится: «Проживая в городе Омске, Быковский поддерживал связь с бывшими белыми офицерами Богатуровым, Соболевым и др. бывшими белыми офицерами, высланными в 1922 году из ДВР. Быковский свою связь с Богатуровым при допросе скрыл, тогда как по агентурным данным Богатуров и Быковский часто у друг друга бывали, занимались

выпивкой, вели разговоры, что их Советская власть притесняет, не дает служить и т.д. Быковский несомненно является врагом Советской власти и является социально опасным элементом» [6, л. 17].

В деле В. Ф. Быковского имеются показания свидетелей о его антисоветских разговорах. Так, П. Г. Шеляев показал: «Открыто, в резкой форме высказывался против коммунистов, заявлял «скоро придет время, когда мы с оружием в руках будем бороться с коммунистами. Подобные заявления он делал в присутствии некоторых лиц. После захвата КВЖД Быковский выражал крайнее удовлетворение этим событием, торжествовал и Советскую власть называл не иначе как мерзостью, ожидая ее падение. Однажды в разговоре со мной Быковский заявил, что он при Колчаке работал в уголовном розыске. Мне известно, что на квартире у Быковского регулярно собирались неизвестные лица под прикрытием игры в карты... Изредка приходил к нему Богатуров. Разговор происходил шепотом» [6, л. 4–4 об.]. Особая тройка при ПП ОГПУ по СК во внесудебном порядке вынесла решение, что В. Ф. Быковский «наговорил» на пять лет заключения в концентрационный лагерь. В 1992 г. он был реабилитирован.

С началом свертывания НЭП появились крупные дела в отношении офицерских и казачьих антисоветских организаций, члены которых «занимались шпионажем, готовили восстания против Советской власти, осуществляли вредительство и вели контрреволюционную агитацию». Появление таких дел объясняется ростом антикоммунистических настроений в обществе, вызванным свертыванием НЭП и коллективизацией. В таких условиях органы ОГПУ, проводя государственную политику, стремились ликвидировать в обществе социальный слой, способный организовать недовольных на вооруженную борьбу и возглавить их. Этим объясняется фабрикация подобных дел. По ним с конца 20-х годов началось массовое уничтожение бывших белогвардейцев, достигшее своего апогея к 1937 году. В делах на участников крупных контрреволюционных организаций нет былой тщательности в сборе доказательств. Большинство решений выносилось на основе самоговора подсудимых и их показаний друг на друга, получаемых в результате незаконного психологического и физического воздействия сотрудников ОГПУ.

Так, весной 1933 г. в Омске и казачьих станицах была ликвидирована контрреволюционная повстанческая казачья организация во главе с группой бывших казачьих офицеров штаба Сибирского казачьего войска. Из чекистских справок следовало, что сотрудникам ОГПУ удалось вскрыть 15 повстанческих ячеек этой организации, состоявших в большинстве своем из активных белогвардейцев, эмигрантов, возглавлявшихся бывшими атаманами, казачьими офицерами. Возникновение организации якобы относилось к 1930 году. Создана она была полковником Шайтановым по заданию резидента японской разведки, бывшего штабс-капитана колчаковской армии Ридзеля, завербовавшего для контрреволюционной работы Шайтанова. По версии сотрудников ОГПУ Ридзель насадил повстанческие и шпионские кадры по иртышским станицам, по линии железной дороги Омск—Петропавловск—Челябинск, по Турксибу. Сотрудники ОГПУ «установили», что организация являлась филиалом крупной белогвардейской контрреволюционной организации на территории Западно-Сибирского края, воз-

главляемой генералом Болдыревым, действовавшим по заданию японской разведки [7, л. 19].

В 1956 – 1957 гг. по данному делу была проведена проверка. Ее результаты раскрывают методы работы сотрудников ОГПУ, фабриковавших это и подобные массовые дела. По результатам проверки было установлено, что «обвинение осужденных по данному делу лиц в антисоветской деятельности обосновано в основном на признательных показаниях самих осужденных, причем не конкретных, противоречивых и не подкреплены никакими другими объективными доказательствами» [8, л. 480].

В ходе проверки было установлено, что следователи обманывали осужденных и применяли к ним угрозы. «Так, осужденный Шевко при допросе от 27 декабря 1956 г. показал, что он дал в 1933 году несоответствующие действительности показания в результате обмана его следователем Панасенко и угроз со стороны следователя Попова» [8, л. 481].

Кроме того, сотрудники ОГПУ подключали к добыванию признательных показаний своих агентов. Они подсаживали их в камеры, и те склоняли граждан давать признательные показания. Агенты ОГПУ по указанию своих кураторов давали следователям ложные показания о виновности обвиняемых. В ходе проверки по данному делу было установлено, что «сотрудник ОГПУ Постановов, узнав о том, что среди арестованных в Тевризском районе лиц, оказались четыре секретных работника ОГПУ Шалаев, Ольшанский, Антипин и Рыбьяков, предложил последним уговорить арестованных подписать сфабрикованные работниками ОГПУ фиктивные протоколы допросов. После выполнения Шалаевым и др. секретными работниками ОГПУ указаний Постановова все они были освобождены из под стражи, предварительно дав ложные показания об антисоветской деятельности ряда лиц» [8, л. 481].

В результате проверки только по этому делу из 287 осужденных было реабилитировано 285. С этим делом был тесно связан еще целый ряд дел, по которым результаты реабилитации были аналогичны. Не были реабилитированы: осужденный И. Н. Растрепин, который в 1919 г. публично казнил председателя Черлакского ревкома А. Е. Мельникова, и П. И. Грибановский, который во время Гражданской войны служил в отряде атамана Анненкова и принимал участие в арестах и конвоировании на расстрел сочувствующих Советской власти граждан [8, л. 482].

Таким образом, Омск в годы Гражданской войны, будучи столицей белой России, административным центром Сибирского казачьего войска, стал одним из основных центров репрессивной политики Советского государства в отношении бывших белогвардейцев. Если в период НЭП органы ГПУ – ОГПУ

собирали материал и на его основе проводили репрессивную политику индивидуально, то с началом индустриализации и коллективизации начались массовые политические репрессии, в ходе которых доказательства не имели значения. Чекисты фабриковали дела, выполняя политический заказ. В советском обществе в 1920 – 1930 гг. продолжалось острое идейное противостояние красных и белых. Белые потерпели поражение в Гражданской войне, но бывшие белогвардейцы, по меркам того времени, самим фактом своего существования в обществе продолжали сохранять потенциальную опасность для коммунистического режима. Удаляя их из общества, органы государственной безопасности выполняли задачу законно существовавшей власти, в то время легитимной в глазах большинства населения. В этой связи думается, что историк должен не судить чекистов или их обвиняемых на основе моральных ценностей и современных юридических норм, а руководствуясь принципом историзма, понять состояние общественного сознания и политические условия, сделавшее возможным массовые политические репрессии и, соответственно, последующие массовые кампании по политической реабилитации.

Библиографический список

1. Тепляков, А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири, 1918 – 1929 гг. / А. Г. Тепляков – М. : АИРО-XXI, 2007. – 288 с.
2. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 1596.
3. Плеханов, А. М. ВЧК-ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период Новой экономической политики. 1921 – 1928 / А. М. Плеханов. – М. : Кучково поле, 2006. – 704 с.
4. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Архивно-следственное дело П-13973.
5. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Архивно-следственное дело П-13083.
6. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Архивно-следственное дело П-13197.
7. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 292.
8. Архив Управления ФСБ России по Омской области. Архивно-следственное дело П-101300.

ВАСИЛЕВСКИЙ Виталий Петрович, соискатель по кафедре отечественной истории.

Адрес для переписки: vasilevskiy-vitaliy@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.01.2013 г.

© В. П. Василевский

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В 1994–2004 гг.

В статье выделены основные направления экономической проблематики в региональной печати. Их анализ дает основание констатировать, что СМИ органично вписываются в социально-экономическое пространство городов. Помещение в газетах материалов на экономическую тематику способствовало формированию общественных настроений.

Ключевые слова: периодическая печать, экономика, бюджет, приватизация, деловая пресса.

Экономика, как особая часть общественных отношений, тесно связана с другими элементами общества. Более того, функционирование экономики порождает ряд феноменов, значимых в иных сферах жизнедеятельности. Так, экономические интересы различных структур влияют на появление, деятельность и функционирование отражающих эти интересы политических и социальных структур, на их программы и цели. Современная рыночная экономика привела к коммерциализации, превращению по преимуществу в товар большинства продуктов современной культуры. Сходные процессы проходят и в сфере обыденной жизни людей.

Региональная печать тесно связана с освещением экономической жизни региона. В рассматриваемый период региональная печать в числе других социальных институтов, общественных организаций, образовательных учреждений стремилась изменить существующее положение. Решение главных экономических задач в условиях перехода к устойчивому развитию вызывает отражение этого процесса в периодической печати Западной Сибири. А это, в свою очередь, играет огромную роль в восприятии населением экономического развития региона. Вследствие этого анализ деятельности западносибирской прессы, а также её эффективность представляют не только теоретический интерес, но имеют большое практическое значение, чем и определяется актуальность данной статьи.

При работе над указанной проблемой были проведены сплошная выборка периодических изданий Омского региона и выборочный анализ печати, выходящей на территории Новосибирской, Кемеровской, Томской областей и Алтайского края. В общей сложности по ходу подготовки статьи проработано около 20 наименований изданий: «Вечерний Омск» (Омск), «Вечерний Новосибирск» (Новосибирск), «Омская правда» (Омск), «Ваш Ореол» (Омск), «Деловая Сибирь» (Новосибирск), «Новая Сибирь» (Новосибирск), «Молодая Сибирь» (Новосибирск), «Наша газета» (Кемерово), «Вечерний Кемерово» (Кемерово), «Сибирская газета» (Новосибирск), «Красный Путь» (Омск), «Комсомольская правда» (Омск) и др.

В рассматриваемый период рубрики экономики, промышленности, сельского хозяйства существовали практически в каждой газете.

В середине 1990-х гг. основной тематикой в периодической печати являлись либерализация цен на большую часть производимой продукции, введение рыночного курса рубля. Ряд публикаций был посвящен экономическому спаду, постоянному дефициту бюджета и, как результат, резкому падению жизненного уровня большинства населения страны [1–3].

Проведенная в начале 1990-х гг. приватизация, как неоднократно отмечал один из ее «отцов», Анатолий Чубайс, преследовала изначально политическую цель — создание в России мощного слоя собственников [4, с. 102].

В региональной печати приватизация часто подвергалась резкой критике. Авторы публикаций утверждали, что новые обладатели собственности получили её не по заслугам, а за счёт личных связей и неформальных отношений с первыми лицами государства и их родственниками. С приватизацией связывали появление в России олигархов, слишком сильное и несправедливое экономическое расслоение населения России, значительная часть которого воспринимала приватизацию 1990-х гг. как аморальную, преступную. В народе даже её стали называть «прихвизация» [5, 6].

В 1994–2004 гг., несмотря на крайнюю сложность и запутанность происходивших в стране экономических изменений, постепенно происходит выстраивание новой экономической системы. Региональные газеты при освещении этого процесса сыграли свою роль. В них прошел ряд материалов, подводящих к выводам, что частная собственность постепенно становится ведущим звеном экономики, что развивается сеть финансовых институтов, что появляются представители среднего класса в лице менеджеров высшего, среднего и низшего звеньев управления экономикой, развивается инфраструктура и структура российского рынка. Подобная подача материала имела достаточно широкое распространение в печати Западно-Сибирского региона [7; 8, с. 1–36; 9].

Отдельно выделяется относительно 1994–1997 гг. негативное отношение к проблемам дорожания проезда в муниципальном транспорте и продуктов питания, проблемам ремонта жилья, достаточно вспомнить название ряда материалов, опубликованных в региональных газетах: «Областная администрация: недослышимость по недоработкам»,

«Наши квартиры обогреют... холодильники?», «Куда-то катимся?» и т.д. [10–13].

Главная тема публикаций в конце 1990-х гг. — дефолт 1998 г. Авторы статей отмечали его печальные последствия для финансовой системы страны, для мелкого и среднего бизнеса, для благосостояния граждан. Но уже в 2000 г. публикации в газетах содержали положительные отзывы о кризисе 1998 г. В частности, в статьях говорилось, что дефолт 1998 г. привел, в конечном счете, к оздоровлению российской экономики [14].

Одновременно восприятие курса реформ отразилось в частушках, публикуемых в районной печати. Дело в том, что доходчивость и популярность частушки сделали её средством агитации. Словами частушек описывались ухудшение материального положения народа, его обнищание, скудное питание, безработица. Вот некоторые из них:

Неудачная реформа,
До чего ты довела!
Ты народ свой обобрала
И работу отняла.

Было с нами и такое:
Плохо жили при застое.
Появились Миша с Борей —
Мы теперь «живем без горя».

Развалились мои туфли,
Новы не на что купить.
Мы при наших демократах
Будем в лапотках ходить.

Нашла отражение и тема переоценки ценностей:

Наше радио чего-то
Врет безбожно иногда:
Назван Власов патриотом...
Кто же Карбышев тогда?

Для многих частушек, опубликованных в газетах, характерно построение, в основе которого лежит сравнение. Наиболее частыми в 1994 г. являлись частушки, в которых сравнивается горестное сегодня с тем, что, по представлению авторов, было раньше:

Раньше в гости мы ходили,
Вкусно ели, сладко пили,
А теперь живем свободно,
Голодуем всенародно.

Перечень частушек на указанные темы достаточно широк и многообразен [15, с. 139–140].

Необходимо отметить, что федеральные общеполитические издания выделяли те экономические направления, которые были наполнены помимо экономики политическим, социальным и другого рода смыслом.

В региональной печати можно обозначить направления, имеющие значение как для государства, так и для региона. Прежде всего, это такие темы:

— бюджетный процесс в регионе, его организация, механизмы, формирующие принятие и последующее исполнение бюджета региона. В основном опубликованный материал содержал информацию по составлению и рассмотрению проектов бюджетов, утверждению и исполнению бюджетов, контролю за их исполнением, принятым бюджетом на следующий год. Но при этом в официальных публи-

кациях не раскрывались наиболее интересующие население расходы в здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве, образовании и социальной политике [16, 17];

— тема «бедных и богатых». Необходимо отметить, что региональная печать обращалась к этому направлению только в периоды обострения политической жизни, часто в конъюнктурных интересах того или иного «заказчика» [18, 19];

— тема «среднего класса» как продолжение уже затронутой в статье темы [20];

— тема коррупции [16, 20].

Начиная с 2000 г. характерными для региональной печати становятся следующие направления в подаче проблем экономического развития:

— улучшение внешнеэкономических отношений регионов;

— устойчивый и высокий рост валового внутреннего продукта, в том числе в сфере промышленного производства;

— рост бюджета регионов;

— основные экономические программы органов власти субъектов РФ, строящиеся на основании принятого бюджета;

— улучшение условий жизни населения;

— участие граждан страны в финансово-экономической деятельности путем вложения сбережений в банковскую систему, покупки акций и т.д.

Это было связано с изменениями в политическом руководстве страны, произошедшими в результате президентских выборов весной 2000 г., началом серии реформ, затронувших как социальную сферу, так и различные сферы экономики России.

Резкий рост деловой прессы с середины 1990-х годов отразил стремительно растущий спрос на специализированную экономическую информацию в условиях формирования и развития рынка. Информация, с которой работала деловая пресса, касалась всех сфер человеческой деятельности. Центром притяжения в этой системе коммуникаций является хозяйственная деятельность человека.

Спектр интересов деловой прессы постоянно возрастал. Публикации освещали развитие рыночных отношений, расширение бизнес-коммуникаций [21, 22].

В 2004 г. актуальность в региональной печати приобретают такие проблемы, как дифференциация доходов населения и потребительское поведение. Можно также выделить блок публикаций по принятию Закона «О монетизации льгот» [23];

По мере развития периодической печати в регионе происходило следующее: возрастал объем и качество используемой ею в интересах общества финансово-экономической информации, возникали и развивались издания, обслуживающие разнообразные интересы субъектов экономической деятельности. Необходимо отметить, что появление рекламы, сказавшись на условиях существования периодической печати в целом, превратив ее саму в значимый продукт рыночной экономики.

В 2000–2004 гг. газеты использовали в повседневной практике ссылки на источники информации — «мнения экспертов» и «наблюдателей», что кардинально меняло роль заголовка в статье, превращая его в «локомотив» читательского интереса [4, с. 6]. Таким образом, у читателей не происходило формирования полного представления о проблемах в сфере экономики. Газетный материал, на первый взгляд, содержал информацию о наличии какой-то проблемы, но факты, породившие эту проблему, пути её решения оставались не раскрытыми.

Развитие страны и её регионов в 1994–2004 гг. носило весьма противоречивый характер. Однако, давая оценку процессам, можно говорить о том, что экономическое развитие регионов, взаимодействие экономики с другими сферами жизни общества к концу обозначенного периода приняли достаточно устойчивый характер.

Анализ основных направлений экономического развития дает основание констатировать, что средства массовой информации органично вписываются в социально-экономическую политику по формированию «пространства городов».

При этом было бы неверно игнорировать влияние периодической печати на настроения жителей городов Западной Сибири. Помещение в газетах материалов на экономическую тематику способствовало формированию общественных настроений. Кроме того, газета для своих читателей играла сразу несколько важных ролей: информатора, друга, трибуны, советчика. Часто редакция становится последней инстанцией, куда обращаются жители в надежде решить свои проблемы.

Начиная с 2000 г. периодическая печать посредством опубликования материала старалась воздействовать не на представителей органов власти, в чьи обязанности входило решение проблемы, а на слои населения, которые важно было подтолкнуть к определенному умонастроению и соответствующему поведению. Содержание периодических изданий затронула и тенденция к специализации. Но надо отметить, что эта специализация имела особый вид. Ее можно обозначить как «специализацию на нестандартном», т.е. нельзя выделить какой-либо конкретной сферы, к освещению которой постоянно бы не обращались газеты. Их интересовал самый широкий спектр событий разных уровней при одном условии — нестандартности информации. Например, газета «Московский комсомолец» рекомендовала региональным выпускам не использовать при опубликовании материал прокоммунистической пропаганды, а также отражающий интересы тех или иных финансово-промышленных групп, политических элит и др. Для достижения этого результата «МК» рассылал региональным изданиям обязательный перечень газетных рубрик [24, с. 21].

При этом газеты фактически сами и определяли «важность» фактов. Это приводило к возникновению особой ситуации, когда материалы с низким уровнем общественной значимости вытесняли информационно важные материалы на второй и даже третий план. Особенно с 2000 г. серьезные темы, написанные на достаточно высоком уровне, часто уступали ведущее положение развлекательным. У жителей регионов складывалась такая картина реальной действительности, в которой невозможно было выделить важное и второстепенное.

Библиографический список

1. Спиридонов, И. Омичи пережили удар инфляции и запаслись валютой / И. Спиридонов // Новое обозрение. — 1995. — 15–21 февраля.
2. Еловигов, Л. Шаг вперед, два шага назад / Л. Еловигов // Омский вестник. — 1995. — 15 февраля.
3. Оптимизм: безработица растет вдвое медленнее, чем падает производство // Молодая Сибирь. — 1994. — 21 июля.

4. Проблематика периодической печати : учеб. пособие / Под. ред. Г. С. Вычуба и Т. И. Фроловой. — М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2008. — С. 112.

5. Приватизация закончена. Забудьте // Молодая Сибирь. — 1994. — 21 июля.

6. Зоркая, Н. Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990–2000-е гг. / Н. Зоркая // Отечественные записки. — 2005. — № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2005/1/2005_1_8.html (дата обращения: 20.04.2013).

7. Спиридонов, И. В области дала первые всходы стабилизация / И. Спиридонов // Новое обозрение. — 1996. — 31 января.

8. Основные итоги социально-экономического развития регионов РФ в 1997 г. // Вестник экономики. — 1998. — № 8. — С. 1–36.

9. Будущее Академгородка: бизнес-центр, технополис или руины, погибающей цивилизации? // Сибирская газета. — 1994. — 11–17 марта.

10. Обладминистрация: недослышимость по недоработкам // Молодая Сибирь. — 1995. — 26 января.

11. Наши квартиры обогреют... холодильники? // Молодая Сибирь. — 1995. — 26 января.

12. Куда-то катимся? // Вечерний Омск. — 1996. — 24 февраля.

13. Шорина, Е. Квартира — фактор выживания / Е. Шорина, С. Шибаев // Коммерческие вести. — 1997. — 8 марта.

14. Макаревич, Л. Шесть лет после дефолта / Л. Макаревич // Российская газета. — 2004. — 17 августа.

15. Новиков, С. В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье. (1992–2003 гг.) : моногр. / И. В. Новикова, В. С. Новиков, С. В. Новиков / под. ред. С. В. Новикова. — Омск : Сфера, 2007. — С. 339.

16. Тон задал губернатор // Омский вестник. — 1994. — 14 октября.

17. Федеральный бюджет должен Новосибирску около 700 миллиардов рублей // Молодая Сибирь. — 1994. — 28 июля.

18. Булавка, А. Семь омичей заработали за год 10 «лимонов» / А. Булавка // Комсомольская правда. — 2004. — 8 июля.

19. «Великолепная десятка» июля: то же и Анатолий Сычев // Молодая Сибирь. — 1994. — 28 июля.

20. Давыдов, С. И мидл великий нам путь озарит / С. Давыдов // Омская правда. — 2003. — 9 апреля.

21. Динамика некоторых показателей социально-экономического развития субъектов РФ, входящих в Сибирский федеральный округ в 1998–2000 гг. // Континент-Сибирь. — 2003. — 21–28 ноября.

22. Основные итоги социально-экономического развития регионов РФ в 1997 г. // Вестник экономики. — 1998. — № 8. — С. 1–36.

23. Власова, Ю. Противоречивые итоги монетизации / Ю. Власова // Финансовый контроль. — 2005. — № 6. — С. 34–37.

24. Новиков, С. В. Омская область. Выборы — 1998. (Черные страницы российской демократии) / С. В. Новиков. — Омск : Литограф, 1998. — С. 63.

КЛИМОВА Ксения Владимировна, аспирантка кафедры истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: ksy-klimova@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2013 г.

© К. В. Климова

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ. 1960—2000 гг.

В статье на основе общественно-политической публицистики и программных положений общественных и политических организаций сделана попытка классификации такого направления политической мысли, как «национализм». Классификация проведена с учётом политической практики постперестроечной России.

Ключевые слова: национал-патриоты, казацки движения, РОС, РОД, антизападничество, Черная сотня, ЛДПР, КПРФ, национал-демократы.

Российский лингвист С. И. Ожегов — составитель нескольких словарей русского языка — определил национализм как «идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим» [1]. Русская языковая традиция также приравнивает понятие «нация» к этничности. По мнению историка А. И. Миллера, это связано, с одной стороны, с тем, что Россия в целом слабо знакома с идеологией национализма, а с другой — с намеренным искажением принятого в мире значения этого термина в Российской империи и Советском Союзе. Смысл, вкладываемый разными людьми в одни и те же термины и лозунги, может быть противоположным. Так, лозунг «Россия для русских» трактуется одними как претензия этнических русских на исключительные права, а другими как требование к государству, которое должно служить народу. А. И. Миллер отмечает, что даже слово «русский» может пониматься как в строго этническом (примордиальном) значении, так и через культурные категории и участие в общей судьбе [2]. Следствием стала практика подмены терминов, которую в своих политических целях используют как противники, так и сторонники национальной идеи.

Целью данной статьи является классификация такого направления политической мысли, как «национализм» с взглядами его сторонников на прошлое и настоящее России, её религиозный, культурный и экономический уклад.

К первой, и старейшей, можно отнести национал-патриотов. Они считали основным направлением деятельности пробуждение в народе национального сознания, сформированного в период «золотого века» и угнетённого «интернационалистами» на той или иной стадии государственного строительства. К «угнетателям» отнесены «большевики» (20-х и 60—80-х) и «демократы/либералы» (90-е и далее). Началом «угнетения» может быть назван период Петра I, восшествие на престол Романовых или Крещение Руси [3].

Национальное сознание в рамках понимания его идеологами данной группы является производной

«культурных традиций» сельской общины и язычества/староверства/православия в зависимости от того, какой период признаётся «золотым веком» русской нации [4].

Примером подобного подхода являются взгляды писателя, члена Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, автора издательства «Посев», советского политзаключенного Л. И. Бородин. Л. И. Бородин — этактист-державник. Он воспринимал Россию как совокупность земель, как державу, а какой именно народ составляет большинство на её землях и как ему живётся в России в плане уровня жизни — не суть важно. Национализм понимался Л. И. Бородиным как проблема малых народов [5].

«Золотым веком» для Л. И. Бородин была Московская Русь (XV—XVII вв.). С его точки зрения, в указанный им период наличествовали православная самодержавная монархия, власть Божьего помазанника, опирающаяся на принцип симфонии властей (светской и духовной) и действующая в тесном взаимодействии с Православной церковью — единственно законное, богоустановленное и устойчивое политическое устройство. При этом он считал, что России как воздух необходимы христианизация политики, христианизация экономики и христианизация культуры. Капиталистический и коммунистический варианты развития страны отвергались Л. И. Бородиным: «Князь мира сего имеет две ипостаси. На Востоке, в странах коммунистического режима, он персонифицирован в образе Люцифера, сжигающего все, что его окружает. На Западе, в странах космополитической либеральной цивилизации, он персонифицирован в образе Аримана, ложного создателя. Левые диссиденты (правозащитники, еврей-отказники и т.д.) критикуют коммунистический режим за то, что он является люциферианским, а не ариманическим, как им хочется. Нам, православным, одинаково неприемлемы обе ипостаси сатаны» [6].

Можно констатировать, что в сфере культуры национал-патриоты обычно видят противостояние «высокодуховного классического русского искус-

ства» и «сугубо декоративного» модернизма Запада. В экономике положительно относится к общинным формам хозяйствования. Отношение к этнической составляющей может варьироваться от признания русскими всего коренного населения страны до идей отсеивания «истинно русских».

В политической, а точнее, общественной жизни зарождение направления пришлось на 50-е гг. XX в. Популярность оно получило в 60–80-е гг. Это проявилось как в создании клуба «Родина», Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и общества «Память», так и в моде на «русскость», заключающейся в призывах вернуться «к истокам». В перестроечный период к направлению можно отнести Военно-монархический союз (1991 г.), казацки движения (1990–2000 гг.), ЛДПР (1993 г.) Черную сотню (1994–1995 гг.), Конгресс Русских общин (1995 г.), созданные под патронатом генерала А. И. Лебеда организации (1995–1999 гг.). При этом обращает внимание тот факт, что, используя в ряде случаев левую фразеологию, эти силы размывали электорат КПРФ. В 1996, 2000 гг. они поддерживали представителя либералов в борьбе за пост Президента РФ [7, с. 13, 18, 30–40, 56–58].

Следующую группу следует называть левопатриотической или, подобно Ближне-Восточному региону, баасистской. Политические силы указанной идеологической направленности выделяются на общем фоне благодаря синтезу социалистических/коммунистических идей с национальными.

Ярким идеологическим представителем данного направления является С. Н. Семанов. Участник «Русского клуба» с 1968 г., главный редактор журнала «Человек и закон» (1976), член редколлегии журнала «Наш современник», один из авторов газеты «Русский вестник». Долгие годы заведующий редакцией серии «Жизнь замечательных людей» и автор книг об адмирале Макарове и генерале Брусилове, выпустивший биографию И. Сталина и книгу об Ю. Андропове, работы об Александре III, канцлере Александре Горчакове, а также о «Тихом Доне» М. Шолохова. Докторская диссертация, защищённая С. Н. Семановым в 1974 г. в Ленинграде, не была утверждена. С апреля 1988 г. С. Н. Семанов — заместитель председателя Всероссийского фонда культуры. С 1991 г. — старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН [8].

Основными внешними чертами данного идеологического направления является сильный милитаристический компонент обычно в форме прославления былых побед и рассуждений об «ударах в спину» в случае поражения (охват от битвы на Калке и Куликовском поле до Великой Отечественной войны и войны в Афганистане). Антизападничество и антисионизм. Провозглашение необходимости защиты интересов русского населения в общественной и экономической жизни страны. Наличие в программных заявлениях и пропаганде идеи о непрерывной преемственности государственности от Киевской Руси до периода СССР. Это порождает пантеон героев, отличавшихся по своим взглядам и социальному статусу — Александр Невский, Дмитрий Донской, Богдан Хмельницкий, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Г. К. Жуков, Пётр I, адмиралы Ф. Ф. Ушаков, П. С. Нахимов, маршал К. К. Рокоссовский и т.д. Сюда же, в большинстве случаев, относится И. В. Сталин. Список антигероев тоже эклектичен, наиболее известная формулировка связана с тождественностью А. Курбского и А. А. Владова. И патриотизм, и положительное отношение к

православию вписываются в рамки представлений о вышеупомянутой преемственности. Все упомянутые выше «герои» закладывали камни в фундамент великого государства, в результате чего СССР стал сверхдержавой. Таким образом, в СССР воплотились вековые мечты о могучей стране.

Коммунизм в воззрениях сторонников данного направления носит русский характер, и, как следствие, Октябрьская революция являлась триумфом русского духа, развивающегося от русских православных мыслителей к славянофилам и почвенникам, а затем к социалистам.

Наиболее последовательно на указанных позициях стоит КПРФ (с 1994 г.), движение «В поддержку армии» (1999 г.), НПСР (1996–1999 гг.) и др. Пограничное состояние среди указанных сил занимали РОС (1992–1999 гг.) и РОД (1995–1998 гг.). Первая сила не раз играла на электоральном поле КПРФ, а в 2000 г. поддержала кандидатуру В. В. Путина на пост Президента РФ, вторая, не попав в парламент, активно агитировала за Б. Н. Ельцина в 1996 г. [9, 259–260, 277, 280–282].

К третьей группе, относится направление, основой для разработки которого послужила теория и практика тоталитарных режимов Италии, Германии и Испании второй четверти XX в. Переработанный с учётом постсоветской действительности опыт стал основой идеологической платформы РНЕ. РНЕ считает РФ моноэтническим русским государством и допускает культурную автономию остальных народов РФ, реализуемую за счёт самих этих народов. Потенциально РФ, с точки зрения представителей движения, должна быть унитарным государством русских и россиян. В качестве последних подразумеваются дружественные русским коренные народы РФ и все люди, для которых РФ является единственной Родиной. Организация выступает за национально-пропорциональное представительство русского народа в органах власти, во всех сферах и структурах общества и государства. Любые проявления русофобии являются тяжким государственным преступлением.

Как считают представители организации за годы правления антирусских сил, осуществлявших физическое истребление и ассимиляцию русских, генофонду русской нации был нанесен огромный ущерб, следовательно, одной из главных задач является охрана здоровья и генетической чистоты русской нации. Основой здоровья нации, с точки зрения партийных документов, должно стать здоровье семьи.

Особое внимание РНЕ уделяет развитию евгеники, которое должно принести характер государственной программы, какие либо медицинские или биологические основания данной программы неизвестны, однако чётко прописано, что соблюдение чистоты русской нации будет поощряться государством как морально, так и материально. Как следует из программных документов движения, пропаганда смешанных браков будет запрещена, а принуждение к вступлению в смешанный брак или связь, нарушающие генетическую чистоту русской нации, станет преследоваться в уголовном порядке.

Основным источником формирования русского духа должна стать система образования, очищенная от антинациональных/антирусских сил, и религиозные конфессии и общины, свобода деятельности которых будет обеспечиваться лишь в той мере, в какой она укрепляет духовные силы русской нации [10].

Сходных позиций и взглядов, но в более радикальной форме придерживалось национально-поли-

тическое объединение неоязыческого толка Союз венеков. Оно зародилось в 1990 г. после раздела РНП, с 1993 г. отказалось от политической деятельности, переориентировавшись на формирование языческой конфессии [11].

Близкой к РНЕ, пусть и «экстремистско-радикальной» организацией, был «Легион Вервольф», насчитывавший около 20 человек. Он хозяйничал на территории плодово-опытной станции Тимирязевской сельскохозяйственной академии, обретались нацисты и на еще одной ферме в Ярославской области. Помимо обеспечения функционирования двух концлагерей, в которых бомжи трудились на сельскохозяйственных работах и служили муляжами для отработки боевых приемов, «легионеры» претендовали на более серьезную деятельность. Лидер «Легиона» Игорь Пирожок утверждал, что «Вервольф» призван, в отличие от ведущих «чисто политическую деятельность» партий (РНЕ и проч.), заниматься «грязной работой» — «совершением террористических акций против жидов, коммунистов и демократов». Например, в мае 1994 г. члены легиона попытались осуществить теракт в спорткомплексе «Олимпийский», где проходил фестиваль религиозной организации «Евреи за Иисуса» (самодельное взрывное устройство, заложенное в «Олимпийском», не сработало). Тогда же был совершен налет на Марфо-Мариинскую обитель, где «легионеры» разгромили офис васьильевской «Памяти». 2 июня 1994 г. в московском кинотеатре «Баррикады» на вечер «Черной сотни» они устроили массовую драку. «Легионом» готовились также террористические акты против Демократического союза, РКРП, «Богородичного центра», поджоги кинотеатров, демонстрировавших фильм «Список Шиндлера». РНЕ, отмежевываясь от идейных союзников, заявив, что те стремились дискредитировать движение. А главу «Легиона» пресс-служба РНЕ объявила эстонским шпионом [12].

Ещё одно направление национальной идеологии. Условно назовём его «национально-демократическим», по официально представляющему данное направление Национально Демократическому Альянсу (НДА). Для данного типа характерно неустойчивое и зависящее от ситуации в рассматриваемый период отношение к государственным и общественным институтам, вехам истории Российского государства, создание и функционирование которого рассматривается как осуществление византийцами/татарами/евреями и прочими «не арийцами» Евразийского проекта по порабощению и истреблению русского народа.

Представители данного подхода считают эталоном русского народа новгородцев, «как действительно арийский/европейский» элемент Руси, не попавший под византийское/татарское/московское «разложение». Новгородцы, с точки зрения идеологов НДА, происходят от населения Скандинавского полуострова «создавшего Русь и Британию», в качестве подтверждения данной гипотезы служат сходный инвентарь/сооружения и лингвистические заимствования. В результате подобных рассуждений даже Литва оказывается более русской, чем сама Россия, а притесняемые в современной Прибалтике русские «обдоры» — всего-то люди, не способные освоить европейский (арийский) язык. Такой подход нашёл своё проявление в 2012 году, когда представители направления под вывеской «национальных демократов» и Русского Гражданского Союза представили окончание 400-летней давности польско-ли-

товской интервенции и освобождение Москвы как утерянную попытку России влиться в Европу [13].

Наиболее ярким представителем данного направления является выпускник Московского художественного училища по специальности художник-реставратор, презентующий себя как «публицист, националист, неоязычник и просто поэт» А. А. Широпаев. С августа 1986 г. он активно публиковался в националистических и праворадикальных изданиях, выступая с монархических и православных позиций, в 1989—1992 гг. являлся активистом Христианско-патриотического союза, затем Союза «Христианское возрождение». С начала 1990-х гг. участвует во Фронте национал-революционного действия (ФНРД) и Народной национальной партии (ННП). Параллельно А. А. Широпаев публиковался в оппозиционных газетах и журналах («Земщина», «Наш марш», «Народный строй», «Завтра» и др.). К 2000-м гг. взгляды А. Широпаева сместились в направлении активного антихристианства, «расизма», антиколлективизма и критики «имперской идеологии» России [14].

Его книга «Тюрьма народа» (2001 г.) воплотила в себе наиболее яркие черты, данного направления, развиваемые автором до сих пор, как то:

— яркую прозападную направленность: Новгород — потерянное европейское будущее, Александр Невский — борец с арийскими братьями, Иван Грозный — азиатский деспот, поднявшийся против европейской цивилизации, интервенции в период Смутного времени и Гражданской войны — попытка «белых людей защитить себя», победа в ВОВ — поражение русской нации, русификация во все времена — политика по «растворению русской крови и культуры недочеловеками». Потенциальными союзниками России, по А. А. Широпаеву, являются ЕС, США и даже Государство Израиль [15, с. 9, 11; 16, с. 22—24, 29—32, 40—42, 53—55, 88—94];

— наличие ориентации на индивидуализм, «арийца» (боярина, дворянина, крепкого крестьянина или успешного менеджера), который сам, в одиночку, идёт к успеху по «обдорским» головам, его противостояние тупой и инертной толпе; существенное внимание уделяется критике «общинности и коллективизма», которые считает «уравниловкой» (под которую подпадают как нормы социальной поддержки, так и пропорциональное налогообложение) чуждой «арийскому», европейскому духу, автор считает, что крестьянскую общину на Русь принесли татары, чтобы «компенсировать потерю качества ростом количества» [15, с. 33, 38—39, 49, 58];

— особенно отрицательное отношение вызывает Православная церковь, рассматриваемая автором как «семитская религия» — существующая для ослабления «военного потенциала» русских и их закабаления и почти что всегда поддерживающая сильное Российское государство, которое во все времена считается угнетателем русского народа, западные ветви христианства — что католичество, что протестантизм — считаются «арийскими». При этом уничтожение церковных институтов большевиками подвергается А. А. Широпаевым критике, как, впрочем, и налаживание отношений между Православной церковью и социалистическим государством. Неприятие вызывало формирование в 1992 г. имперской «лево-правой» оппозиции [15, с. 18—19];

— направленность на разрушение Российского государства, его границы, по мнению А. А. Широпаева и его последователей, должны совпадать с границами расселения локальной «нации», с существо-

ванием от 7 до 20 одних только русских республик ввиду этнической неоднородности русских. От «нерусских территорий» вообще предлагается отказаться, пойдя по пути «русского патриота» А. И. Солженицына, призвавшего при обустройстве России избавиться от «среднеазиатского подбрюшья» и «русского патриота» Ельцина, готового раздавать суверенитет в любых желаемых объёмах. А. А. Широпаев вводит противопоставление таких понятий, как патриот и националист. Если патриот беззаветно служит «Левиафану, скрытому под маской Родины-матери», представленному не только русским этносом, то националист служит благу своих «братьев по крови», в том числе и зарубежных [16].

В заключение следует отметить, что границы представленных направлений политической мысли размыты, а практика её использования даёт самые неожиданные варианты партийных блоков и альянсов, а также административно-управленческих решений.

Библиографический список

1. Значение слова «национализм» орфографическое, лексическое прямое и переносное значения и толкования (понятие) слова из Словаря Ожегова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <http://lib.deport.ru/slovar/ojegov/natsionalizm.html> (дата обращения: 8.01.2013).
2. Миллер, А. О дискурсивной природе национализмов // Журнал «Pro et Contra». — 1997. — Т. 2. № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — http://uisrussia.msu.ru/docs/novrec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения: 13.01.2013).
3. Викулов, С. На русском направлении: записки главного редактора «Нашего современника» (1970—1980 гг.) / Сергей Викулов. — М., 2002. — С. 68.
4. Кожинов, В. Если следовать фактам / В. Кожинов // Завтра. — 1994. — № 46(51). — С. 2.
5. Леонид Иванович Бородин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <http://www.lib.rus.ec/a/32416> (дата обращения: 9.01.2013).
6. Семёнов, А. Свидетель времени или «лжепророк»? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <http://religion.ng.ru/printed/90035> (дата обращения: 2.02.2013).
7. Новиков, С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 года / С. В. Новиков. — М.: ООО «ИПТК» «Логос ВОЗ», 1999. — 63 с.
8. Сергей Николаевич Семанов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://traditio-ru.org/wiki/Сергей_Николаевич_Семанов (дата обращения: 6.02.2013).
9. Новикова, И. В. Влияние печатных СМИ на результаты избирательных кампаний федерального уровня. Омское Прииртышье (1992-2003 гг.): монография / И. В. Новикова, В. С. Новиков, С. В. Новиков / под ред. С. В. Новикова. — Омск: ООО ИПЦ «Сфера», 2007. — 306 с.
10. Основные положения программы РНЕ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://soratnik.com/rp/11/11_1.html (дата обращения: 13.02.2013).
11. Союз Венедов-Питер [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rodnovery.com/index.php?name=view&op=view&id=7> (дата обращения: 14.02.2013).
12. Легион «Вервольф» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://altruism.ru/sengine.cgi/13/61/5/2> (дата обращения: 13.02.2013).
13. Мы европейцы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vk.com/wall-25801613_39227 (дата обращения: 13.02.2013).
14. Широпаев, А. А. (р. 23.08.1959), писатель, поэт, общественный деятель [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6498&tm=5> (дата обращения: 13.02.2013).
15. Широпаев, А. А. Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию / А. А. Широпаев. — М.: ООО «ФЭРИ В», 2001. — 144 с.
16. «О переучреждении Российской Федерации и создании русских республик» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nazdem.info/texts/8> (дата обращения: 15.02.2013).

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, бакалавр исторических наук, магистрант по направлению отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2013 г.

© М. С. Новиков, С. В. Новиков

Книжная полка

Боханов, А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учеб. В 2 т. Т. 1 / А. Н. Боханов. — М.: Проспект, 2013. — 544 с. — ISBN 978-5-392-09127-0.

Том первый учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации. Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.